

ОЛДЬГА ВОЛОДАРСКАЯ

НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

НЕТ
ДЬЯВОЛА
ВО МНЕ

Ольга Володарская

Нет дьявола во мне

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Нет дьявола во мне / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-87551-1

Ее называли Марианной в честь героини мексиканского сериала. Необычное имя, необычная судьба. Мари осталась сиротой в год, но ее удочерили достойные люди. И окружили девочку тем, чего не хотела и не могла дать родная мать: заботой, любовью, достатком. Казалось бы, живи и радуйся, но Марианна росла проблемной. И с мальчиками у нее не ладилось. Мечтала об особенном, а каком именно, не представляла... Пока не встретила Николаса. Он совсем ей не подходил. Как и никакой другой девушке, потому что пел в церковном хоре и готовился стать монахом. Но Марианна боролась за свою любовь и... победила? Ей так казалось, пока Николас не сбежал. И от нее, и из монастыря... Когда спустя десять лет в горах нашли убитым одного из хоровых мальчиков, всплыла давняя история с исчезновением Николаса. Все решили, что это Марианна, прозванная за свои выходки Сатаной, лишила жизни обоих...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87551-1

© Володарская О. Г., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Володарская

Нет дьявола во мне

© Володарская О., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Как и место действия. Любые совпадения случайны.

Часть первая

Глава 1

Она сидела на огромном нагретом солнцем валуне и смотрела на небо. Облака были похожи на клубки сахарной ваты. Хотелось протянуть руку, взять один и отправить в рот. Мари обожала сахарную вату. В детстве считала ее самым изумительным лакомством. Все меркло перед ней – и зефир, и конфеты, и пирожные, и даже мороженое.

У Мари уже начала ныть шея, и она опустила голову. Камни, быстрая речка, кусты, не изящные, но по-своему красивые горные цветы. Но все это так далеко внизу, что она не столько видела, сколько знала: все это там...

В горах было тихо. Мари специально забралась так высоко, чтобы побыть вдали ото всех и всего, особенно от звуков. Чуть ниже, если пройти пятнадцать минут и проехать три километра по горному серпантину, – люди, животные, машины. Голоса, смех, ор, лай, рычание моторов, гудки. Запахи бензина, еды, пота, псины...

Там, внизу, так много всего раздражающего органы чувств, а тут покой.

Мари откинулась назад. Сначала на локти оперлась, затем полностью легла на теплый камень. Закрыла глаза. Солнце припекало, но не жгло. В горах даже в полдень было комфортно. Воздух прохладен, а ветерок ласков. Но это, конечно же, только летом. Зимой тут стужа. В тело будто иголки впиваются – так яростен мороз. Воздух, как заиндевевшая вода – ее нельзя пить, а его вдыхать без муки, ветер же точно наждачная бумага, которой проводят по коже. Когда-то давно Мари провела ночь в горах. Снаряжения не было. А из теплой одежды только куртка с капюшоном. На ногах кроссовки, пусть и зимние. Был конец ноября, не самое холодное время, но она едва не лишилась нескольких пальцев на ногах, и обморозила лицо так, что сохла кожа.

Вспомнив о той ночи, Мари передернулась. С тех пор она возненавидела холод. И на зиму уезжала туда, где тепло. Не обязательно в тропики, хотя бы в места с умеренным климатом. Для нее плюс пять и мокрый снег лучше, чем бодрящий мороз, сугробы и яркое солнце!

Поэтому в тех краях, где она обитала этим летом, Мари не останется. Знает, каковы здесь зимы. А вот куда направится, еще не решила. Скорее всего, просто переместится чуть южнее. А возможно, полетит в Азию. Давно собиралась побывать во Вьетнаме. Там и климат мягкий, и жизнь недорогая...

Хотя последнее Мари мало тревожило. Деньги у нее водились.

Она решила немного подремать, но тут услышала голос...

Чистый, звонкий. Он звучал тихо, но отчетливо – в горах хорошая акустика. Голос принадлежал юноше, он уже ломался, но не стал мужским. Молодой человек пел. Исполнял псалом на латыни.

Мари поднялась с валуна, осмотрелась. Поблизости никого не было, что не удивило. Она предполагала, что тот, кто сейчас издает звуки, находится где-то внизу. Она даже догадывалась где. Когда она поднималась сюда, оставив машину в конце асфальтированной дороги, увидела ровный участок, покрытый кустами дикого шиповника. Красивое место, наполненное ароматом цветов. Вот только у Мари была аллергия на пыльцу, и она ушла выше. Туда, где нет ничего, кроме камня и свежего горного воздуха.

Песнь не смолкала. Псалом лился и лился, услаждая слух Мари.

«*Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam Tuam*», – слышала она и переводила: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей». – «*Et secundum multitudinem*

miserationum Tuarum, dele iniquitatem meam». – «И по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои...»

Мари не знала латыни. Но этот псалом помнила наизусть. От начала и до конца. Она слышала его много раз...

Когда-то давно.

Думала, забыла уже, но нет.

Она стала подпевать невидимому певцу. И слезы потекли из ее глаз.

Нет, она не была набожной. Более того, считала себя атеисткой. Просто этот псалом... и этот голос... так похожий на тот, в который она влюбилась когда-то, будучи еще девчонкой... И эти горы... Все всколыхнуло в ней то, что давно, как казалось, забыто и уже не должно взбудоражить до слез...

Мари даже думала, что разучилась плакать. Не от горя или боли, а от счастья, умиления или светлой грусти.

Голос неожиданно оборвался. Но Мари знала, оставалось еще три строки псалма. Что помешало юноше допеть их?

Она слезла с валуна. Взяв рюкзак, стоящий поодаль, достала воду. Хотелось пить уже давно, но Мари лень было вставать. Она прислушалась. Пение не возобновилось. Увы. Но тут...

Вскрик! Затем грохот – это сорвался со скалы крупный камень. За ним посыпалось множество мелких.

Обвал?

Нет, не похоже.

Мари закинула рюкзак за спину и стала быстро спускаться. Но так как путь был не самым безопасным, она скорость сбавила. Еще не хватало упасть. Убиться не убьется, конечно, тут не самый крутой спуск, но колени или локти раздерет.

Наконец Мари достигла тропы. По ней идти легче. И если поторопиться, то до места, где растет шиповник, можно спуститься минуты за три. И она ускорила.

Сначала она почувствовала аромат и только потом увидела кусты, покрытые ярко-розовыми цветами. За ними пологий спуск к ущелью. Мари чихнула. Ох уж эта пыльца! Зажав нос пальцами, она пошла через заросли. Она не знала, но чувствовала, юноша, что исполнял псалом, где-то здесь. И Мари не ошиблась.

Она увидела его совсем скоро.

Молодой человек лежал на камнях. Руки раскинуты, глаза смотрят в небо...

И глаза голубые-голубые!

Лицо красивое, с точеными чертами. В уголке нежного рта кровь. Она стекает тонкой струйкой на воротник сутаны. Сутана серая. Как и камни, на которых лежит юноша. Но более светлая, полиняла от частых стирок. И на ней, если не считать ворота, следов крови нет. А вот под головой молодого человека целая лужа – ударился о камни при падении и от этого умер.

Слезы, высохшие за то время, что Мари спускалась, снова выступили. И теперь слезы были жгучими, потому что вызвала их душевная боль. Как жаль этого мальчика... Юного, красивого, талантливого... Чистого...

И так похожего на того, кого Мари встретила в этом же месте много-много лет назад.

Глава 2

Прошлое

Мари яростно вытерла нос рукавом рубахи. Хватит реветь, сказала она себе. Полчаса, не меньше, слезы льет. Уже и глаза красные и нос распух. Мари сунула руку в карман и достала зеркальце. С недавних пор она всегда его таскала с собой. В период полового созревания Мари страдала от подростковых прыщиков, что покрывали лоб и щеки, обезображивая хорошенькое личико. Мари не могла на себя смотреться в зеркало без чувства омерзения. А так как руки постоянно тянулись к прыщам, чтобы выдавить их, она старалась как можно реже вглядываться в свое отражение. Но, после того как Мари стала девушкой, лицо очистилось. И она полюбила зеркала.

С внешностью Мари повезло... Ну, почти. Она признавала за собой только один недостаток: рост как у баскетболиста. Мари была выше всех в классе, даже мальчиков. И сколько бы ей ни говорили, что высокий рост – это достоинство, а не недостаток, Мари не слушала. Она не хотела ни по подиуму ходить, ни забрасывать мячи в сетки – ей предлагали и в модельном бизнесе себя попробовать, и в спорте. А для чего еще нужен высокий рост? Лампочки вкручивать, не вставая на табурет? Но она и в электрики подаваться не собиралась. Оставалось надеяться на то, что она в свои четырнадцать лет уже достигла максимального роста и больше не вытянется.

В остальном Мари была довольна своей внешностью. Да, фигура нескладная немного, но мама уверяла, что это пройдет. Пропорции-то уже хороши. А вот лицо прелестно без всяких оговорок: нежное, милое, с некрупными, но выразительными чертами и серо-зелеными глазами миндалевидной формы. И кожа хорошая – подростковые прыщики не оставили на ней следа. Волосы же, от природы темные, с золотинкой, Мари выкрасила в оранжевый. А по челке пустила красные пряди. Родители, когда увидели ее новый образ, едва не упали в обморок. Но ругать не стали. Не то что за пирсинг в носу...

Мари потрогала ноздрю, в которой торчала сережка. Больно. Еще не привыкла к ней, и когда нос вытирала, задела. Отодвинув зеркало на расстояние вытянутой руки, Мари придирчиво осмотрела свое лицо. Все не так плохо, как она думала. Да, глаза и нос красные, но это скоро пройдет. Хорошо, что у нее ресницы черные, а то была бы сейчас на кролика похожа.

Мари убрала зеркальце и запрокинула голову так, чтобы ветер обдувал лицо. Она все еще была расстроена и сердита, но уже не так, как полчаса назад. Она вдрызг разругалась с матерью и убежала в горы. Та, как всегда, начала учить ее жизни, Мари всплила, наорала на нее и закончила свою гневную речь фразой: «Да пошла ты! Ты мне даже не мать!» Сейчас она раскаивалась в этом. Потому что это был удар ниже пояса... недостойный... запрещенный!

Да, ее родители не были ей родными. Они удочерили Мари еще крошкой. Все детство девочка пребывала в уверенности, что с папой и мамой они одной крови. Она даже была немного похожа на отца – цветом глаз и волос. Но когда Мари исполнилось десять, ей открыли правду...

Как же она плакала, узнав эту правду. Как кричала: «Зачем вы мне сказали?» А отец, более спокойный и выдержанный, чем мать, отвечал: «Ты должна знать. Это твое право».

С тех пор все пошло наперекосяк. Мари никогда не была пай-девочкой, а тут просто с цепи сорвалась. А как ее начинали отчитывать, тут же взвизывалась: «Так отдайте меня обратно в детдом, коль я вам не нравлюсь!»

Родители терпели. Они любили ее. Да Мари любила их... Просто редко это демонстрировала.

...Ее называли Марианной в честь героини сериала «Богатые тоже плачут». В год, когда она появилась на свет, он шел по российским каналам и бил все рекорды популярности. Тогда

ни ей одной дали имя Марианна. И ей еще повезло. Потому что родись она мальчиком, быть бы ей Луисом-Альберто.

Мать Марианны, зачавшая свое дитя от случайного любовника, была женщиной легкомысленной. Кроме сериалов ее увлекали мужчины и кутежи. Крохотную дочку она оставляла одну и отправлялась развлекаться. Впрочем, если она находилась дома, а по телевизору шел ее любимый сериал, Марианна все равно не могла на материнское внимание рассчитывать. Если девочка плакала, требуя еды, ее просто закрывали на застекленной лоджии, чтобы детские крики не мешали просмотру, а звук телевизора прибавляли.

Мать все ждала, когда Марианне исполнится полтора года, чтобы отдать ее в ясли, желательно круглосуточные. Увы, в том детском садике, что находился неподалеку от дома, принимали ребятшек только с этого возраста (а где-то, она слышала, и годовалых брали).

«Богатые тоже плачут» закончились. Им на смену пришла «Дикая роза». Затем «Просто Мария». Вот как раз в этот «простомариевский» период мама Марианны влюбилась. В красивого и порочного мужчину, напоминающего ей отрицательного персонажа мексиканского «мыла». Обаятельные мерзавцы ей нравились гораздо больше, чем положительные герои. Избранника матери звали Луисом (естественно, не по паспорту, такова была его кличка), и это придавало ему еще больше шарма. Жгучий брюнет с влажными глазами и модной тогда эспаньолкой сводил женщину с ума. Чем Луис беззастенчиво пользовался. Сначала он подкладывал хорошенькую любовницу под своих друзей, затем под малознакомых мужиков, но уже за деньги. При этом женщина себя проституткой не считала. Да, она иногда спала с кем-то за деньги, но что в этом дурного? Это не плата, а благодарность за ласки. Ей, матери-одиночке, лишняя копейка не помешает.

Пока мама строила свою любовь и «карьеру», Марианна была предоставлена самой себе. Ее кормили, пусть и нерегулярно, мыли, переодевали и оставляли на долгие часы в кровати. Чтобы не орала, давали то водочки немного, то снотворного добавляли в смесь. Мать с ней не играла и не занималась. А вот Луис проникся к Марианне. Он часто бывал у своей любовницы дома, и когда приходил, тут же брал малышку на руки, играл с ней. Читал ей книжки и катал ее на своих мощных плечах. Жаль, ходить не учил. Марианна в годик этого не умела. Она только ползала, причем вяло, а когда ее ставили на ножки, тут же шлепалась на попку.

Из-за этого девочку не приняли в ясли, в те самые, куда берут с года. Сказали, что ребенок отстает в развитии и брать за него ответственность воспитатели не будут. И Марианна оставалась дома, большую часть времени проводя в кровати. Мать не считала это чем-то отвратительным. Жизни ребенка ведь ничего не угрожает! Выбраться она не может, игрушек, которыми можно пораниться, у нее нет, бутылочка с водой имеется, а от того, что попка вся в какашках, еще никто не умирал. Благо Марианна родилась на удивление здоровым ребенком. Никаких детских хворей, даже желтушки. В общем, беспроблемный малыш. Пусть и немного отстающий в развитии.

Марианне был год и два месяца, когда мать погибла. Она застучала своего любимого в объятиях другой. Завязалась потасовка. Луис хорошенько наподдал взбесившейся бабе, чтоб знала свое место. Но перестарался. Когда она попыталась вцепиться ему в лицо, толкнул с такой силой, что женщина отлетела на три метра и ударилась затылком об дверной косяк. Череп ее треснул и...

Нет, она умерла не сразу. Спустя шесть часов. Если бы Луис вовремя вызвал «Скорую помощь», женщину могли бы спасти. Но он бросил ее, истекающую кровью, и скрылся с места преступления.

А тем временем Марианна, вся мокрая и голодная, лежала в своей кровати. Сначала только покряхтывала, она была терпеливым ребенком, затем начала плакать. Но к ней никто не подходил! Охрипнув, девочка стала выбираться из кровати. Она и раньше пробовала это сделать, но у нее ничего не получалось. Борта высокие, а она такая слабенькая...

Но в этот раз ее старания увенчались успехом! Марианна смогла покинуть свой «загон». Вот только когда она перебралась через ограждение, то рухнула на пол. Больно ударилась ручкой и головой. И потеряла сознание.

Ее обнаружили спустя двенадцать часов. Милиционеры, нашедшие тело матери, приехали домой к покойной и увидели страшную картину. Крохотная девочка без движения лежала на полу. Из ее уха вытекала кровь. Кровью был пропитан рукав распашонки. Все думали, малышка мертва. Но она дышала. Срочно вызвали «Скорую». Марианну увезли. Диагностировали кроме сотрясения и сложного перелома руки истощение и частичную атрофию мышц ног.

Марианна пролежала в больнице два месяца, после чего ее перевели в дом малютки. Там-то ее и увидели будущие родители Анна и Сергей Андроновы, бездетная пара, отчаявшаяся завести своих детей. Оба с первого взгляда прониклись к девочке симпатией. Анну привлекло то, что Мари чем-то походила на ее мужа, а Сергея... Он сначала не мог объяснить ни супруге, ни себе, чем эта тощая длинноногая девочка с торчащими в разные стороны волосами его зацепила. Была бы хорошенькой щекастой хохотушкой, тогда понятно. Ему всегда нравились такие детки, как Аленка с обертки шоколада. А Мари – ее прямая противоположность. И все же Сергею захотелось удочерить именно ее. Почему? Он долго в себе копался, пока не понял: как раз такая дочь у них родилась бы. Ни убавить ни прибавить. Не «оберточная» Аленка, а вот такая худая и серьезная, как они с женой, девочка. Причем с трудной судьбой. Ни его, ни жену жизнь не баловала. Хотя Аня и родилась в семье известного в узких кругах антиквара. Да только убили его, когда дочь в школе училась. А родители самого Сергея крепко выпивали, и он рос как сорная трава.

Когда Андроновым поведали историю Марианны, Сергей еще больше укрепился в своем желании удочерить ее. К счастью, Анна была с ним солидарна. И, оформив все документы, они стали приемными родителями Мари.

Андроновы тогда жили небогато. Но и не бедствовали, как многие в те годы. Анне в наследство от отца досталась хорошая коллекция антикварных безделушек, которую она, если наступало безденежье, понемногу разоряла, продавая что-то менее ценное. А Сергей занимался малым бизнесом. Дочь привезли в хорошую квартиру, купили ей все необходимое, стали исправно кормить и развивать. Не прошло и двух месяцев, как Марианна заговорила. Да складно как! А ходить и бегать она еще в доме малютки научилась.

Она быстро привыкла к родителям. Полюбила их. Особенно папу. Но первое слово, ее произнесенное, было, как это ни странно: «Луис». Мари совсем не вспоминала мать, а вот ее любовника часто. Пожалуй, то, как он подкидывает ее к потолку, стало самым ранним детским воспоминанием. Ярким и счастливым. В своих самых радужных снах, тех, что оставляют приятное послевкусие после пробуждения, она взлетала высь и неизменно опускалась в сильные руки красивого черноглазого мужчины с эспаньолкой.

Папа разбогател, когда Марианна училась в пятом классе. Еще в прошлом году они жили так себе, а вот уже переезжают в загородный дом, меняют машины на люксовые, нанимают прислугу. Когда грянул кризис и многие мелкие бизнесмены разорились, Сергей поднялся. А все благодаря жене, которая каждую лишнюю тысячу рублей вкладывала в антиквариат. Его, пусть и не совсем законным путем, она продавала иностранцам, получала за это валюту. На нее-то в кризис Сергей и скупил обанкротившиеся малые предприятия, работающие в том же направлении, что и его. А когда положение на рынке более-менее стабилизировалось, Андронов их объединил и стал владельцем крупной фирмы по производству и продаже электрооборудования.

И вот, спустя три с половиной года, семья Андроновых полным составом уже отдыхала на Балканах. Кто победнее, в Турции и Египте, кто богаче – на личных островах, люди их круга – на Мальдивах и Лазурном Берегу. А они, семья Андроновых, на Балканах. Да не у моря – в горах. Того хуже, не в городе, в какой-то деревеньке. Сняли дом на все лето,

а к морю ездили на машине на пару-тройку дней раз в две недели (а отец еще и в Москву летал раз в месяц). Всем такой отдых нравился. Даже Мари, хотя она ворчала, что в такой глуши только пенсионеры могут чувствовать себя комфортно. На самом же деле ей сразу же понравились Балканы. И их скромный домик в окружении фруктового сада: в нем росли и киви, и гранаты, и лимоны. И горный пейзаж, и простая, но невероятно вкусная местная кухня, и люди. Особенно люди. И милые бабулечки, продающие домашний сыр, и не растерявшие молодецкого задора дедули, что, казалось, только тем и занимаются, что гоняют кофе и спорят о политике, и ровесники ее родителей, простые, работающие, доброжелательные, и детишки, заласканные родными, но почему-то не избалованные. Она только о подростках была не лучшего мнения. Деревенщина, так их Мари называла. Парни, естественно, тут же на нее стойку сделали, но она ни с одним не пожелала сблизиться. Да, все они красивы и, что немаловажно, высоки ростом (балканские мужчины славились своей статью и привлекательностью), но ей нужен был особенный...

Вот только какой именно, Мари сама толком не знала.

...Ветер осушил лицо от слез, которые нет-нет да и выкатывались из уголков глаз, и остудил горящую кожу. Вот только нос продолжал гореть. Мари потрогала его. Нет, виной тому не сережка. Значит, обгорела – солнце шпарило, но в горах жары не ощущаешь, поэтому не заметила, как подпалилась.

Марианна перевернулась на живот, чтобы спрятать лицо от солнца. Подумав, стянула с себя рубашку и шорты, оставшись в трусиках. Решила позагорать. Не домой же идти. Сама не успокоилась, мать, наверное, тоже еще сердится, разругаются опять, а ей этого не хотелось. И так слишком много в их семье конфликтов в последнее время разгорается.

Она закрыла глаза и под жужжание пчел, летающих с цветка на цветок, задремала.

Чарующий голос, который она услышала чуть позже, ей будто снился. Он был так чист и прекрасен, что походил на ангельский. Марианна не верила в ангелов, как и в демонов, поскольку являлась атеисткой, как и ее родители, поэтому сделала единственный вывод: она все еще спит. Но когда голос приблизился, а к нему присоединились другие звуки: жужжание пчел, пение цикад, шуршание листвы и... похрустывание камней под чьими-то шагами...

Марианна вздрогнула и приподнялась. Здесь кто-то есть?

Сначала ей подумалось, что никого. Но когда она присмотрелась, то увидела юношу. Он стоял не так далеко от нее, но сливался со скалой своим серым одеянием. На нем была длинная просторная хламида с поясом. Мари видела такие на послушниках монастыря, расположенного чуть ниже. Это была местная достопримечательность. Единственное место в округе, куда возили туристов.

Монастырь был старинным, аж в пятнадцатом веке построенным. Основали его монахи-бенедиктинцы. Назвали «Черный крест» в честь святыни, в нем хранимой. Монастырь подвергался набегам, дважды горел, но выстоял. От старых строений, тех, что возвели основатели в пятнадцатом веке, правда, остались только колокольня да два домика, где когда-то жили послушники. В одном ныне заседал аббат, в другом располагался музей. Остальное было выстроено позднее. Но с начала девятнадцатого века монастырь изменений не претерпевал. Постройки только укрепляли или реставрировали по мере необходимости. При монастыре имелась винодельня и пасека. Монахи изготавливали на продажу ликеры, разливали мед. Но «Черный крест» славился ни этим. А хором мальчишков. Певцов когда-то набирали из жителей ближайших городов и деревень, но в век машин и поездов стали принимать и тех, кто живет на другом конце страны. А особо одаренных – даже из других стран. Ребята в возрасте от девяти до пятнадцати жили при монастыре. С ними занимались педагоги. Учили их не только вокалу и музыкальной грамоте, но и общеобразовательным предметам. Мальчики пели не на всех мессах. И туристы старались попасть в монастырь в то время, когда их можно было услышать. А как хор обожала мама! Каждое воскресенье она посещала заутреннюю только ради него.

И Марианну с собой звала, да только ей было лень в такую рань вставать. Было бы ради чего, бурчала она. Вот если бы Мадонна выступала в соборе, она бы спать не ложилась, сидела у крыльца, караулила ее. А то мальчики какие-то церковные...

А меж тем один из них продолжал петь. Он не замечал Мари и делал это для себя... или?.. Для пчел, цикад, букашек, копошившихся под камнями, птиц, парящих в вышине? Для гор, неба, речки, бегущей на дне ущелья, дивных кустов дикого шиповника? Или для своего Бога, создавшего все это?

Мари слушала как завороченная. А когда молодой человек замолчал, почувствовала разочарование. Ей хотелось, чтоб он пел и пел. Его голос... он как будто... наполнял пейзаж и возводил его красоту в Абсолют.

Из-под локтя Марианны, на который она опиралась, вылетел камешек. Юноша услышал звук и резко обернулся...

Две пары глаз, серо-зеленые и небесно-голубые, встретились. Мари сначала видела только глаза. И ей казалось, что она все еще смотрит в небо. Потом, когда они расцепили взгляды, она обратила внимание на остальные черты его лица: крупный прямой нос, четко очерченный рот с ямочкой на нижней губе, округлый подбородок, покрытый темной, по-мужски густой щетиной. Волосы у юноши были иссиня-черными, удлиненными, закрывали уши и доходили до лопаток.

Красивый, подумала Мари. И взрослый на вид, хотя, судя по голосу, ему максимум шестнадцать, если не меньше. Только ростом не вышел. Не мал, но и не высок. Средний. Марианна точно выше его будет.

Пока она изучала юношу, он смотрел на нее. А если точнее, на ее обнаженную грудь.

Марианна, заметив это, смутилась. Но юноша смутился еще раньше. Покраснел, отвернулся резко. Мари натянула футболку и влезла в шорты. После этого поднялась и направилась к молодому человеку. Ей стало интересно, насколько он ее ниже. Оказалось, всего на чуть-чуть. Три-четыре сантиметра, не больше.

Когда Мари подошла, юноша опасливо обернулся. Но, заметив, что она одета, стал посмелее. Улыбнувшись, обратился к ней по-английски:

– Добрый день. Извините, я вас не видел.

– Привет, – ответила Мари. – Я тебя тоже.

– Что ты делаешь в горах одна?

– Загораю, – пожала плечами она. – А ты?

– Гуляю...

– Ты ведь из монастыря?

– Да.

– Вас отпускают вот так вот?..

– Мы же не в тюрьме, – улыбнулся он. – Есть свободное время, которое можно проводить, как захочется.

– А откуда ты знаешь английский язык? – полюбопытствовала Мари.

– А ты?

– Я учу его в школе. И занимаюсь с репетитором.

– Нам тоже преподают иностранные языки. Или ты думала, мы только псалмы учим?

– Еще скажи, что знаешь физику, – фыркнула Мари.

– Конечно. И химию тоже.

– А петь вас учат? Или ты самородок.

– Да, есть педагоги по вокалу. Но я самородок, как и все мы, хоровые мальчики. Других не берут. – Он вытер ладонь о подол своего одеяния и протянул руку Мари: – Меня зовут Николас.

– Коля, значит.

– Как?
– Ко-ля! – по слогам повторила она.
– Вообще-то все меня Ником называют.
– А я Марианна.
– Француженка? – удивился Николас.
– Почему это?
– Это имя ассоциируется с Францией. Марианна – ее символ.
– Нет, я русская. И у нас у всех это имя ассоциируется с Мексикой. – Его глаза расширились от удивления. – Так звали героиню очень популярного мексиканского сериала, – разъяснила Мари. – А тебе сколько лет?
– Пятнадцать. А тебе?
– Четырнадцать пока, но через три месяца...
– И мне через три... Только шестнадцать.
– Значит, мы с тобой одного знака зодиака! Ты какого числа родился?
– Третьего.
– И я! – взвизгнула Мари. Почему-то она очень обрадовалась этому факту.
– Голодная? – спросил Ник.
– Ужасно, – ответила она. И доказательством ее слов стало громкое урчание в желудке.
– У меня есть булочки, еще теплые. – Он хлопнул по котомке, что висела на плече. – Немного сыра. И компот. Перекусим?

– С удовольствием.
– Только давай немного поднимемся. Чуть выше есть отличное место...
И повел туда Мари.

Они шли недолго, минут пять. И когда Николас указал Мари на то место, которое считал отличным, она недоуменно на него воззрилась. Ни цветов, ни красивого вида. Небольшой грот, окруженный колючками, и ничего более.

– Во-первых, ты обгорела, – сказал Ник, поймав ее взгляд. – И на открытом солнце тебе нельзя находиться. Во-вторых, тут есть стол. – Он указал на круглый плоский камень, лежащий в гроте. – А в-третьих, ты еще не все видела. Заходи...

Она ступила под своды грота. Осмотрелась.

– Ой! – воскликнула Марианна.
– А я что говорил, – хмыкнул Ник.

Дело в том, что в «стене» имелось отверстие. Прямоугольный пролом, похожий на окно. В него врывались и ветерок, и солнечные лучики, и ароматы.

Ник с Мари уселись за «стол». Молодой человек вытащил из котомки еду, разложил ее на бумажной салфетке. Булочки выглядели очень аппетитно и пахли изумительно. Сыр, впрочем, тоже. Мари, вообще, не очень любила этот продукт. Но местный обожала. Он был похож на вкус не только на сыр, но и на масло, и на творог. Просто таял во рту. А в том, что принес Ник, еще и зелень имелась, и мелко порубленные оливки.

– Угощайся, – пригласил он Марианну к трапезе. – Только у меня стаканчиков нет, придется по очереди пить...

– Ничего, – ответила она с набитым ртом. Сразу схватила булочку, кусок сыра и принялась с аппетитом жевать. – А ты классно поешь! Не помню, говорила тебе это или нет.

– Спасибо... Не говорила.
– Не хочешь стать поп-звездой?
– Нет.

– Нет? – переспросила она, не поверив. Марианна была уверена в том, что каждый хорошо поющий человек грезит о мировой славе. А Ник пел не просто хорошо – божественно.

– Я еще в раннем детстве решил посвятить себя Богу.

– То есть?..

– Стать монахом.

Марианна с жалостью на него посмотрела.

– Но ты же еще жизни не видел. Не лучше ли выйти в мир, и, только если он не понравится тебе, уйти в монастырь?

– Ты рассуждаешь так же, как все. Вы думаете, что, для того чтобы понять, как прекрасна чистота, нужно сначала замараться.

– Ну да...

– Но я уже это знаю. Так стоит ли окунаться в грязь?

– Но мирская жизнь... это же не только что-то плохое. В ней много всего!

– И в жизни монаха много всего. – Он мягко посмотрел на Мари. – Давай не будем спорить на эту тему? Поговорим лучше о... – Ник секунду подумал. – О России, твой родине. Какая она, расскажи?

– А что ты о ней знаешь?

Ник задумался. Подперев подбородок кулаком, он закатил глаза. Ждал подсказки от своего Бога? Мари прыснула, представив, как всемогущий Господь, точно старик Хоттабыч из старого, еще черно-белого фильма, шептал ему... только не с портрета, а с небес... ответ на вопрос.

– В России очень холодно, – выдал-таки Николас. – Поэтому все пьют водку.

– Не все. Мой папа, например, почти не употребляет алкоголя. Водку вообще не признает, только иногда коньяком французским балуется. И не так уж у нас холодно. В Сибири, может быть. А в Москве, где я живу, редко морозы тридцатиградусные ударяют.

– Да я пошутил, – рассмеялся Ник. – Я знаком и с вашей историей, и с литературой. Нам дают хорошее образование. Лучше, чем во многих обычных школах. Но мне не сухие факты интересны. Я хочу услышать о ТВОЕЙ родине. Какая она для тебя?

И Марианна начала рассказ. Сначала у нее получалось не очень эмоционально. Так и подмывало сделать экскурс в историю, да и английским она владела не в совершенстве, но, когда она смогла расслабиться немного, речь полилась, и рассказ стал увлекательным и веселым. Ник слушал с удовольствием, улыбался, а иногда похихатывал.

Когда Мари прервалась, чтобы попить, Николас с сожалением произнес:

– Увы, мне пора.

– Уже? – расстроилась Мари.

– Да. Мое свободное время подошло к концу. Да и тебе нужно возвращаться. Мама, наверное, беспокоится...

– Да, – вздохнула она. Мама, естественно, волновалась. А Марианне больше не хотелось наказывать ее своим отсутствием. – Встретимся завтра? Здесь же? Я принесу что-нибудь вкусенького.

– Завтра я не знаю, смогу ли. Но постараюсь.

Они вышли из пещерки и потопали вниз.

– Спой еще что-нибудь, – попросила Мари.

– Что именно?

– Не псалом, а... Не знаю даже... Рок можешь?

– Могу. Но давай я лучше исполню для тебя народную балладу.

– О чем она?

– О двух влюбленных, которым обстоятельства не позволили быть вместе, и они покончили с собой, прыгнув со скалы.

– Грустная, значит, баллада.

– Да. Но очень красивая. Кстати, ее сочинил один из монахов «Черного креста» сто пятьдесят лет назад. Помнишь, старое раздвоенное дерево недалеко от ворот? – Мари кивнула.

Туристы на него привязывали ленточки и загадывали желания. – Оно выросло на том месте, где умерли влюбленные.

И Ник запел.

Слов Марианна, естественно, не понимала. Только те, что были созвучные с русскими. Но она знала, о чем баллада, и Николас пел так эмоционально, что она не заметила, как заплакала. К тому моменту, как на ее глазах выступили слезы, они дошли до того места, с которого были видны монастырь и дерево, росшее возле его ворот.

– А что за обстоятельства не позволили им быть вместе? – спросила Мари, когда Николас допел.

– Юноша был монахом. И дал обет безбрачия.

– Так самоубийство же смертный грех, – запальчиво возразила она. – Неужели броситься со скалы лучше, чем нарушить обет?

– Он решил предоставить это на суд Господа. Поэтому явился на него вместе с любимой.

– Ужасная история! – воскликнула Марианна и решительно вытерла слезы. – Не логичная.

– Ты слышала хоть одну логичную балладу? – улыбнулся Николас. – Они все трагические и печальные.

– Сочини другую. Ты можешь, я уверена...

Он ничего на это не ответил. Легонько обнял Марианну и проговорил:

– Нам пора прощаться. Я тут спущусь по тропке.

– До завтра?

Николас кивнул и, помахав ей рукой, спрыгнул с дороги на узкую тропу. Мари проводила его взглядом, а когда увидела, как он скрылся за воротами монастыря, продолжила спуск. В голове ее звучал голос Николаса. А перед глазами стояло его лицо.

«Особенный!» – взвизгнула она мысленно. Радуюсь, Марианна всегда издавала подобные звуки. Мама ее за это ругала. Говорила, что они пугают людей – они считают, что где-то режут поросенка. Юные леди должны следить за своим поведением. И Мари научилась себя контролировать. Теперь она взвизгивала только мысленно, как сейчас.

Но потом, поняв, что такой радости еще не испытывала, поскольку ни разу еще не влюблялась, завизжала в голос! И, хохоча, побежала домой. Ей захотелось рассказать маме о своем новом знакомом. Как бы они ни ругались, а ближе ее у Марианны человека не было. Разве что папа, но сейчас он в Москве.

Глава 3

Марко очень устал. Он прошел за день километров пятнадцать, и теперь, когда конец пути близился, его ноги гудели и подрагивали, особенно когда он преодолевал крутые спуски. Пес Чак тоже выбился из сил. Он был уже немолод, разменял второй десяток еще в прошлом году, и долгие прогулки его утомляли. Но оставаться дома, когда хозяин уходил в горы, категорически не желал. Если Марко закрывал его, Чак выл, скулил, лаял, а один раз выбил дверь, чтобы вырваться.

– Почти пришли, еще немного потерпи, малыш, – сказал Марко псу и потрепал того по загривку. «Малыш», испанский мастиф, ткнулся мокрым носом в руку хозяина. – Пить хочешь? – спросил Марко.

Чак коротко гавкнул. Это означало «да». Марко вынул из рюкзака пластмассовую плошку и налил в нее воды из бутылки. Когда пес принялся алчно хлебать ее, Марко тоже решил утолить жажду. Допив оставшуюся воду, он убрал пустую бутылку в рюкзак (не выбрасывать же тут) и присел на камень, чтобы перевести дух.

Он не знал, все ли собаки такие умные, до Чака у него домашних животных не было, но в одном Марко был уверен – его пес все понимает. То, что на вопрос, хочет ли он пить, мастиф ответил утвердительно, было мелочью. Он демонстрировал свой интеллект постоянно. Чак не просто вступал с хозяином в диалоги, он сам принимал решения. Например, когда дома начался пожар (заискрила неисправная проводка), Чак, находящийся там один, потушил возгорание. Стащил зубами с дивана плед и стал затапывать очаг. Как-то спас из реки котенка, принес его, держа за загривок, в деревню и положил на порог одной вдовы, как раз переживающей потерю. Она приютила малыша и теперь души в нем не чает. А один раз Чак ребенка нашел. Такого же крохотного, как котенок. Только он не тонул, а умирал от голода. Пес обнаружил его на опушке леса. Пятимесячный мальчишка лежал под секвойей, закутанный в грязные пеленки. Почему его бросили там, а не принесли, скажем, к воротам монастыря, так и осталось загадкой. Но благодаря Чаку, который сбегал за хозяином и привел его в лес, мальчик остался жив. Сейчас он живет в деревне. Его усыновили хорошие люди.

...Пес, попив, подошел к Марко и положил голову ему на колени. Поблагодарил. Получив в ответ порцию ласки – хозяин погладил его, – улыбнулся. Во рту не хватало нескольких зубов. Три он потерял еще по молодости, а два ему удалил ветеринар совсем недавно – болели.

– Какой ты у меня, старичок, – проговорил Марко, похлопав пса по шее. – Зубов нет, шерсть седая... – Чак посмотрел на хозяина и вздохнул. – Что я буду делать без тебя?

При мысли о том, что даже если Чак из породы долгожителей, он протянет еще лет пять-шесть, не дольше, Марко становилось больно. Он не представлял жизни без своего четвероногого друга.

– Ладно, пошли! – решительно сказал Марко, вставая. Лучше не думать о плохом! – Через полчаса будем дома, поедим по-человечески.

Чак именно так и ел. По-человечески. Не признавал собачий корм, даже «Канин-премиум». Зато обожал каши с мясом и похлебки на костном бульоне. Да не холодные, а теплые.

Марко зашагал по тропе вниз, Чак потрусил следом. Вдруг он встал как вкопанный и наострил уши.

– Что такое? – спросил Марко.

Пес повел головой. Типа, не отвлекаяй, дай сначала самому разобраться. Марк больше ничего не говорил, ждал. В горы они ходили на охоту. И хотя испанских мастифов использовали больше как сторожевых или пастушьих собак, дичь Чак чуял лучше всякого спаниеля. Вот только зверье так близко к деревне не подходило, держась подальше от людей.

Чак резко сорвался с места и понесся вниз. Марко за ним. Едва в поле зрения показались заросли шиповника, пес ринулся в них с громким лаем. Когда Марко продрался через кусты, то увидел двоих – мужчину и женщину. Первый лежал на камнях, вторая над ним склонялась. Услышав лай, барышня обернулась. На лице испуг.

– Не волнуйтесь, собака не кусается, – сказал ей Марко.

Женщина недоуменно нахмурилась. Не поняла. Марко повторил свою реплику по-английски. Затем спросил:

– Что случилось?

Прежде чем ответить, она поднялась и чуть отошла в сторону. Марко отметил, что женщина высока ростом. Сам он был двухметровым, если точнее – два и пять, и привык к тому, что основная масса представительниц слабого пола едва доходит ему до плеча. А эта женщина была всего сантиметров на двадцать ниже. «Модель, – подумал Марко. – Стройная, красивая, выглядит ухоженно».

Но развивать мысль он не стал. Увидел то, что до этого было скрыто от взгляда. А именно – лицо лежавшего на камнях мужчины... Вернее, юноши. Лицо его оказалось бледным, застывшим, а глаза, смотрящие в небо – пустыми. Молодой человек был мертв!

– Парень сорвался со скалы, – ответила женщина. – Услышала, как загрохотали и показались камни. Я была там, – она указала вверх. – Спустилась и нашла его тут...

Марко подошел ближе, осмотрелся. Затем опустился на корточки рядом с трупом.

– Вы знаете этого молодого человека? – спросил он у женщины.

– Впервые вижу.

– А я видел его в храме. Он поет в хоре мальчиков.

– Да, поет. До того как упасть, он исполнял псалом... – Она сглотнула. – У парня был божественный голос. Так жаль его... Нелепая смерть. Тут ведь даже спуск не крутой. Как можно было так неудачно упасть?

– А других звуков вы не слышали?

– Например?

– Каких-то голосов, ударов?

– Нет, – секунду подумав, ответила она. – Он пел. Потом резко замолчал, и до меня донесся грохот... А почему вы спрашиваете?

– Вас как зовут?

– Мари.

– Я Марко. Представляю полицию в этом уголке. Считайте, я местный шериф.

– О... То есть вы думаете... Мальчик не сам сорвался? Ему помогли?

– Я не думаю – уверен. На него напали сзади, схватили за шею, придушили... Видите, следы проступили? – Он отодвинул окровавленный воротник, чтоб Мари увидела отметины. – Затем поволокли вниз и бросили на камень.

– Убийство? – ахнула она.

Марко только кивнул. Взяв Чака за ошейник, чтобы тот не подобрался к трупу, который его очень заинтересовал, вытащил из кармана сотовый телефон.

– Я пойду? – обратилась к нему Мари.

– Не могу вас отпустить, не запротоколировав показания. Вы пока единственный свидетель...

– Ладно хоть не подозреваемый.

Вообще-то Марко и не исключал ее вины. Но не стал озвучивать свои мысли. Вместо этого спросил:

– Где вы остановились и когда уезжаете домой? Я так понял, вы туристка.

– Не совсем... – Она достала из кармана водительские права. – Вот мои документы, можете записать данные.

– Русская, – отметил он, глянув.

– Да. Но живу я в данный момент в деревне, что в предгорье. Провожу здесь лето – в деревне у меня домик. Когда вам потребуется увидеться со мной, позвоните, и я подъеду в отделение. Запишите номер.

Марко так и сделал.

– А теперь я могу уйти? Устала очень, есть хочу и, честно говоря, выпить... – Мари грустно посмотрела на покойника. – Жалко парня... Не понимаю, кому он мог помешать?

– Вы на машине, да? – Мари кивнула. – Давайте, провожу вас до дороги. Только вызову бригаду...

– И оставите труп без присмотра?

– Да, вы правы, не стоит этого делать... Тогда вас мой пес проводит... – Он подтолкнул мастифа к Мари и отпустил ошейник. – Чак, иди с ней, – сказал он. – Защищай.

Чак коротко гавкнул.

– Это он вам сейчас ответил, что-то вроде «Есть, сэр!»? – поинтересовалась Мари.

– Нет, что-то вроде: «Понял, друг!» Чак не мой подчиненный. Он товарищ.

Мари присела перед псом на корточки и посмотрела ему в глаза.

– Старый товарищ... – сказала она. – Боевой. – Мари протянула руку и осторожно коснулась лба Чака. – Этот шрам откуда?

– Получил, защищая меня.

– Я так и подумала. Что ж... Я доверяю свою жизнь вашему другу. Чак, пошли! – И, по-мальчишески свистнув псу, быстро пошла к тропе. Чак, виляя хвостом, бросился за ней.

Глава 4

Мари благополучно добралась до деревни, проехав по главной улице, притормозила у своего дома. Он ничем не отличался от остальных: добротных, кирпичных, но компактных и не вычурных. Разве что в палисаднике росли береза и ель, растения не типичные для этих мест. Деревья больше десяти лет назад, когда этот дом с участком только был приобретен, посадил отец. Думали, не приживутся. Почва не та, да и саженцы, пока их из Москвы везли, зачахли. Но березка и елочка не просто пустили корни, они так прекрасно адаптировались к непривычным для своих видов условиям, что сейчас макушками доходили до мансарды.

Припарковавшись у ворот, Марианна вышла из машины и хотела сразу проследовать к дому, но ее окликнули:

– Салют, Мари!

– Здравствуй, Алекс! – поприветствовала она мужчину, спешившего к ней.

Александра она знала с юности. Он был чуть старше Марианны, жил на соседней улице, но в отличие от остальных деревенских парней никогда не пытался за ней приударить. Это был серьезный юноша в очках, единственным увлечением которого являлись книги. Из-за его любви к чтению они и познакомились. Алекс учил русский язык, чтобы читать Достоевского и Толстого в оригинале, и обратился к Мари за помощью. Она дала ему пару уроков, но вскоре ей стало не до занятий... и не до Александра...

У нее появился Николас.

– Как дела? – спросил Алекс. Русский он теперь знал в совершенстве и говорил почти без акцента. – Тебя давно не было видно, я беспокоиться уже начал...

– Я на море ездила. Только сегодня вернулась. Все хорошо.

– Загар шикарный, – одарил ее комплиментом Алекс.

– Спасибо. Ты ко мне?

– Да, хотел попросить «Бесов». Перечитаю.

– Давай я тебе уже подарю эту книгу?

– Тогда у меня не будет повода заходить к тебе.

– А ты без повода заходи, – улыбнулась Алексу Мари.

Он ей нравился, это странноватый мужчина. Спокойный, вдумчивый, остроумный. С ним было приятно общаться. В деревне все считали их любовниками, но между Марианной и Александром не существовало даже флирта. Молодые люди симпатизировали друг другу, но отношения не выходили за рамки приятельских. Они, возможно, могли бы перерасти в крепкую дружбу, если бы Мари верила в то, что дружба может существовать между людьми разных полов.

– Ты торопишься? – спросила у Алекса Мари, впустив его в дом.

– Нет, а что?

– Может, выпьешь со мной?

– С удовольствием.

– Тогда присаживайся, я сейчас быстренько умоюсь и принесу вина. Еще у меня сыр есть, овощи... В общем, попируем.

– Давай сделаем иначе. Ты без спешки приведешь себя в порядок, а я тем временем накрою стол на террасе. Скажи, где что взять.

– В холодильнике.

– И посуду? – усмехнулся Алекс.

– Она на полке слева от холодильника. Салфетки там же. А вообще, ты можешь чувствовать себя тут как дома. Открывай ящики и ищи то, что нужно. Для пикников и импровизированных пирушек на террасе у меня все есть. А вот для готовки и званых ужинов, увы...

Выдав эту тираду, она отправилась в ванную. Стянула с себя влажную одежду, забралась под душ. Воду пустила прохладную, чтобы освежала. Пока споласкивалась, думала об Александре (мысли о мертвом мальчике гнала прочь). Почему он не женится? Местные довольно рано сочетаются узами брака. Ровесники Алекса почти все уже отцы, причем кто-то и дважды. А он даже не помолвлен. Была у него девушка, очень милая, из ближайшего городка. Такая же начитанная, спокойная. И, что удивительно, внешне на него похожая: темноволосая, улыбчивая, упитанная, близорукая, очень симпатичная. Мари видела фото и слышала «отзывы». Они могли составить гармоничную пару, но... Союз распался через полтора года. По какой причине, никто в деревне не знал. В том числе и Марианна. Могла бы спросить, да не любила в душу людям лезть.

Мари выключила воду, отжала волосы, затем сняла с крючка полотенце, завернулась в него.

– Мари! – донеслось из-за двери.

– Что?

– Я к себе сбегая, принесу ликера.

– Зачем? Вино же есть.

– Ты знаешь, мы не пьем его ледяным. А твое в холодильнике стояло.

Это было правдой. Сухие вина тут не остужали.

– Еще у меня есть совершенно чудесная колбаса, – продолжил Алекс. – Дядька Самир угостил. Для себя делал, не на продажу. – Старый албанец Самир был местным мясником, держал лавку. За его чудесными колбасами приезжали из города, и туристы ею затаривались. Но ту, что он делал для себя, нельзя была сравнить ни с какой другой. – Я мигом!

– Хорошо, давай...

Марианна вытерлась, расчесала волосы и, облачившись в домашнее платье, вышла из ванной.

Дверь на террасу была открыта, и Марианна увидела стол. На нем красовалась бутылка вина, стояли стаканы, две тарелки с сыром и крупно нарезанными овощами. На взгляд Мари, не хватало только горячего хлеба, но таковой в их деревне можно было купить только поутру. И если она делала это, то брала маленькую булочку, чтобы съесть ее за раз. В отличие от качественного российского хлеба местный быстро терял свою вкусовую прелесть.

Александр вернулся спустя пару минут. В руке пакет. В нем бальзам «Монастырский» на двадцати травах и апельсиновой цедре, палка колбасы и банка оливковой пасты. Ее изумительно готовила мама Алекса. Когда умер ее муж, они с сыном остались одни. Александр досталась в наследство лавочка отца, в которой продавались бытовые мелочи. Вдова надеялась, что тот расширит бизнес, разовьет его, но Алекса совсем не интересовали стиральные порошки, садовые лопатки, прищепки и скотчи. Только литература! Поэтому два прилавка из четырех заняли книги. Они очень редко продавались. Разве что учебники. И матери Алекса, чтобы пополнить скудный семейный бюджет, приходилось варить оливковую пасту в больших количествах и продавать ее туристам у монастыря. Еще она там сбывала овощи из своего огорода. И открытки с местными пейзажами, что залеживались в лавке сына.

– С легким паром! – сказал Алекс Марианне. – Ведь у вас так говорят даже тем, кто помылся не в бане, а в душе? – Она кивнула и, взяв еще тарелок и нож, направилась на террасу. – Хлеба у тебя, как всегда, нет?

– Как всегда, нет, – эхом повторила Мари.

– Вот и хорошо, – удивил ее Александр. – Я решил немного себя ограничить. Поправился... – Он хлопнул себя по животу. Тот не был большим, но все же над ремнем нависал. – А если бы у тебя были маковые булочки или багет с пряностями, я бы не устоял...

Нарезав колбасу и разлив вино, они уселись за стол. Взяли бокалы.

– Будем здравы, бояре! – провозгласил свой любимый тост Алекс. Благодаря Мари он стал поклонником советских комедий.

Они чокнулись и выпили. Марианна с удовольствием, а Алекс, морщась. На его лице читалось – какая гадость, какая гадость... это ваше ледяное сухое вино. Отставив фужер, он налил себе ликера в рюмочку. Мари не предлагал, знал, она такое не пьет.

– Ты давно был в монастырском храме? – спросила она, взяв с тарелки толстый кусок колбасы.

– Я не пропускаю воскресных служб, так что вчера. Сегодня ведь понедельник.

– Какой аромат! – восхитилась Мари, понюхав колбасу. – Какие специи дядя Самир в нее добавляет, интересно?

– Я спрашивал у него. Старик ответил – ничего, кроме любви. – Алекс тоже взял колбасу, но сразу отправил ее в рот. – А почему ты спросила про храм?

– Сегодня погиб один из хоровых мальчиков. Может, ты знаешь его...

– Как погиб? – воскликнул Алекс и закашлялся – подавился. – Что случилось? И кто это?

– Имени не знаю. Но он уже взрослый парень, лет пятнадцати. Хрупкий, голубоглазый... – Алекс недоуменно пожал плечами. Видимо, среди парней такой был не один. – У него крупная родинка на щеке, – припомнила Мари.

– Это Даниель. Самый голосистый и талантливый парень в хоре... Боже, как он пел!

– Точно ангел, – вздохнула Мари. – Я слышала.

– Где? Ты же не ходишь в храм.

– Он пел перед смертью. Для себя или... своего бога... Не знаю.

– Где это было?

– В горах. Я сидела на «пупке»... – Так назывался тот круглый и гладкий валун, который она облюбовала. Местные прозвали его «пупок на животе горы». – А чуть ниже есть дивное место, поросшее шиповником.

– Да, знаю такое... И что же? Даниель пел, находясь там?

– Да. И его голос доносился до моих ушей. Парень исполнял хорошо знакомый мне псалом.

– А потом что?

– Его убили!

– Не понял? – Глаза Алекса стали огромными. – Ты не говорила, что?.. Убили? – Мари кивнула. – Но откуда ты знаешь? Ведь ты не видела ничего, только слышала...

– Об этом мне сказал местный шериф.

– Марко?

– Ты знаешь его?

– Да, но не лично. Больше понаслышке. Родом Марко из наших мест, но сразу после школы уехал в столицу, я тогда был еще первоклассником. Плохо его помню. Но от матери слышал, что Марко хорошо устроился в большом городе. Отучился, пошел на службу в полицию. Еще поговаривали, что он женился, обзавелся дочкой. В наши края он если навещался, то редко. У него тут только дед оставался, но как тот умер, внук совсем перестал приезжать. А потом неожиданно для всех Марко вернулся на свою малую родину насовсем. Без жены и дочки, но с собакой.

– С Чаком?

– Да. Умнейший пес. Ребенка в позапрошлом году спас от смерти.

– Марко развелся?

– Никто не знает. Спрашивали, да тот не отвечал. Просто разворачивался и уходил. Он вообще нелюдимый стал. Раньше, по словам матери, не таким был. А теперь затворник. Живет в дедовом доме, что у монастыря.

– А участок его... или как это назвать? Офис? Там же?

– Нет, в нашей деревне. В сером здании, где почта.

– Надо же! Я не знала...

– Все наши недоумевают, почему Марко вернулся. У нас же тут тишь да гладь. Разве что подерется кто или украдет ерунду какую-нибудь. Разнимать дебоширов да ловить мелких воришек работа для какого-нибудь молокососа без опыта или отставного вояки в летах, а никак не для бравого героя-полицейского.

– А Марко герой?

– Да, про него в газетах даже писали. Дед, когда жив был, показывал всем. Марко мог сделать отличную карьеру, стать большим человеком. Но он, вместо того чтобы подниматься дальше по карьерной лестнице, взял и прыгнул с нее. Я уж не говорю о том, что в зарплате потерял. Ему же тут копейки платят.

– Значит, что-то трагическое случилось в его жизни... Событие, которое все перевернуло.

Мари знала, о чем говорит. С ней происходило такое дважды. И она забивалась в нору, чтобы зализать раны. Сейчас, собственно, именно этим и занималась. И норой служил этот дом. Тот, из которого она бежала когда-то... После первого события. И думала не вернется, растворится в огромной, суетной Москве. В большом городе ты тоже как в убежище. Хотя тебя окружает множество людей, им всем нет до тебя дела. Им плевать на твои раны. Остаться наедине с собой в мегаполисе так же легко, как и в тихой хижине на берегу горного озера или в таежной сторожке...

По крайней мере, Марианне так казалось когда-то.

Давно...

Не теперь.

Поэтому она сейчас здесь!

– Может, он скрывается от кого-то? – воскликнул Алекс, отвлекая Мари своим возгласом от размышлений. Она погрузилась в свои переживания и как-то... потерялась, что ли?

– От кого?

– Ну, не знаю... От мафии.

– Алекс, да брось. Как раз тут его бы сразу и нашли. Это же его малая родина.

– Ой, у меня голова кругом идет... – Тяжко вздохнул Алекс и уронил свою кругом идущую головушку на руки. – В нашем краю... убийство! На моей памяти ни одного случая насильственной смерти. У нас же тут святые места... В таких не убивают.

– Подожди, подожди... – Мари резко замолчала, вспоминая. Когда она с родителями приехала сюда впервые (этот дом они снимали год, потом отец приобрел его), поговаривали что-то об убийстве.

– Если ты о той туристке, которую нашли мертвой в горах, то забудь, – будто прочитал ее мысли Алекс. – Она умерла своей смертью.

– Но что ее занесло туда, куда не водят экскурсантов? Она же чуть ли не до «пупка» дошла.

– Захотелось насладиться видом?

– Или ее туда заманили, чтобы убить?

– Было следствие, – покачал головой Алекс. – Доказательств насильственной смерти нет. Женщина заблудилась, запаниковала и сорвалась со скального выступа. – Он налил себе ликера и, не дожидаясь Мари, опрокинул стопку. – Наши места благодатны. Поэтому бенедиктинцы тут и построили свой монастырь. На Балканах он единственный.

Марианна слушала приятеля, попивая вино. Она весь день ничего не ела, и алкоголь быстро подействовал. В теле появилась легкость, и от сердца отлегло. Теперь она могла без содрогания вспоминать мертвое лицо юноши. Естественно, ей по-прежнему было его жаль,

но чувство это не душило, как еще некоторое время назад. Пока Мари ехала в деревню, она рыдала. Ей даже пришлось остановиться возле колодца, чтобы умыться.

– Слышишь? – Алекс встрепенулся. – Звук?..

Марианна прислушалась. Цикады, птички, далекий собачий лай...

Ничего особенного...

И тут!

– Колокола звонят! – ахнула Мари.

Алекс кивнул.

– Но сегодня же понедельник и нет никакого праздника, да? Тогда почему?..

– По кому. По Даниелю. – Александр поднял вновь наполненную ликером рюмочку и, перекрестившись, выпил. – Ты знаешь монастырского звонаря?

– Нет.

– Как же? Его все...

– Я же не хожу в монастырь, храм не посещаю.

– Но раньше посещала...

– Да. И тогда звонарем был старый дед. Сгорбленный так сильно, что его руки почти касались земли. Ему лет сто было. Умер, наверное, давно.

– До сих пор жив и при деле. Хотя глухой на одно ухо и еле ходит. Всякий раз, когда кто-то из обитателей монастыря умирает, он звонит по нему в колокол. Значит, весть о гибели Даниеля уже дошла до старика...

– И сколько ему лет?

– Никто не знает. Документов у него не осталось – сгорели при пожаре в шестидесятых годах прошлого века. Но уже тогда Душан, так зовут старика, был зрелым человеком. Так что, вполне возможно, ему действительно сто лет или около того.

Колокольный перезвон тем временем стих. Но в сознании Марианны он продолжал звучать. Она вспоминала день из прошлого, в котором такой же звон сопровождал ее первые взрослые душевные терзания.

Глава 5

Прошлое

Он не пришел! Николас...

Марианна прождала его два с лишним часа. За накрытым «столом». Но когда солнце стало неумолимо клониться к горизонту, а он так и не явился, собрала еду – собственноручно испеченные блины, мамины котлетки, салатик из овощей, черную икру, взятую без спроса, пластиковые тарелки и стаканы, салфетки, швырнула все это в пакет и ушла. То, что должно было быть съедено в приятной компании, она выбросила в мусорный бак, который стоял на дороге. Даже икру белуги! Деликатес, сберегаемый мамой до особого случая.

Едва сдерживая слезы, Мари быстро шагала по обочине, торопясь домой. В горах темнеет стремительно. И едва только скрывается солнце, непроглядный мрак окутывает все вокруг.

Марианна не хотела останавливаться ни на секунду, чтобы не терять времени – путь предстоял неблизкий, но не смогла не затормозить у того места, где они вчера расстались с Николасом. Монастырь был как на ладони. Она видела крохотных людей, передвигающихся по территории. То были обитатели монастыря, поскольку ворота его в будние дни закрывались для посетителей в пять часов вечера. Возможно, среди этих людей-муравьишек ходил по двору и Николас...

Слезы выступили-таки.

Да, он говорил, что ничего не обещает, но...

Она так хотела увидеть его сегодня!

Мари утерла лицо футболкой. Задрала подол и вытерла! А футболка, между прочим, была от «Армани». Пусть и «джинс». Белая-белая. Удлиненная. С прорезами на спине и россыпью стразов на груди. Папа привез ее из Италии, дочери в подарок. Стирать ее можно было лишь вручную, поэтому Мари надевала футболку только в особых случаях...

В общем, она была для Мари... все равно что черная икра для мамы.

Сегодня Марианна нарядилась. Чуть-чуть, и все равно на белом трикотаже остались черные подтеки туши. И плевать! Мир рушится... Что такое пятна на любимой футболке по сравнению с этим?

Мари в последнее время очень часто плакала. Чуть что – в слезы. Переходный возраст, говорили родители. И наверняка были правы. Но Марианне казалось, что ее подменили. Во сне. Инопланетяне! Забрались к ней в голову, что-то там очень важное, отвечающее за личность скорректировали, и теперь наблюдают за тем, как прижилось то, что они ей привили...

Глупость, конечно! Марианна сама это понимала. Но в психологию верила не больше, чем в инопланетян.

Она постояла у тропы минуты две, максимум три, но этого оказалось достаточно для того, чтобы солнце уползло за горизонт полностью. Но перед этим озарило лучами колокольню. Ее купол, как и купол храма, покрывала позолота (остальные постройки были более чем скромны), и казалось, что солнце целует строение в макушку. И едва это произошло, как раздался перезвон. Пришли в движение колокола. Мари не знала, кто заставил их звучать и по какому поводу, но их бой заворожил. И девушка простояла на месте, пока он не стих. А потом припустила к деревне, надеясь на то, что темнота застанет ее хотя бы в паре километров от дома.

...Николаса она увидела спустя четыре дня. Для этого ей пришлось пойти с матерью на воскресную мессу. Та, как всегда, позвала дочь, ожидая привычного отказа, но Марианна удивила.

– Да, я пойду с тобой, – ответила она, спрыгивая с кровати. И это притом, что еще пять минут назад сладко спала, а для того чтобы раскататься, Мари требовалось около получаса.

- Придется поторопиться. Служба начнется совсем скоро.
- Так что ж ты меня раньше не разбудила?
- Но ты же всегда отказывалась... – растерянно развела руками мама.
- Почищу зубы и бегу! – выпалила Мари. – Можешь идти, я догоню!
- Я на машине.
- Значит, топай к машине, я следом.
- И умчалась в ванную.

Спустя двадцать минут они сидели на угловой лавке у самых дверей, пришли поздно, и им достались только такие места, и ждали, когда хор запоеет. Мальчики уже вышли и построились в два ряда. Николаса Марианна заметила сразу. Во-первых, потому что он стоял по самому центру, во-вторых, выглядел самым взрослым, а в-третьих... Ей сердце подсказало, куда смотреть!

Мальчики были в нарядных одеждах. То есть их хламиды в пол украшали белоснежные фартуки, расшитые крестами.

– Хорошенькие, правда? – шепнула Мари мама. Та в ответ кивнула. Ребята на самом деле выглядели очень достойно. Но Николас, естественно, был красивее всех. Даже дирижера, по которому сходили с ума все деревенские барышни от пятнадцати до семидесяти. – А ты бы видела, как они выглядят по праздникам! Все в червонном золоте... Кстати, где твой новый знакомый?

Мари уже пожалела о том, что рассказала маме о Николасе. Но что уж теперь? Придется показывать его...

Что она и сделала.

– Как взросло выглядит, – заметила мама. – Я бы дала ему двадцать, не меньше. – Она водрузила на нос очки, которые, по ее мнению, ей не шли, поэтому мама пользовалась ими в редких случаях. – И ты говоришь, он думает стать монахом?

– Да. Уже все решил.

– Бедный мальчик. Ему придется ломать себя постоянно. Давить в себе плотское. У него такая мощная мужская энергетика...

– В смысле? – не поняла Мари.

Мама как-то засмушалась и перевела разговор на другую тему. Решила поговорить о погоде. Но Марианна вернулась к волнующей ее теме:

– Мам, а эти мальчики... Они обязаны при церкви остаться?

– Нет, конечно.

– То есть отучились, отпели и?... Могут на все четыре стороны?

– Я же тебе уже говорила об этом.

– Решила уточнить.

– Единицы из тех ребят, что поют в церковных хорах, не только тут, вообще, остаются, как говорится, в системе. Возьми Уитни Хьюстон. Она же при храме еще ребенком начинала. И Стиви Уандер, если я ничего не путаю. Да и не только они. Многие поп-звезды американские...

– Это другое. Они там не жили, не воспитывались монахами, как эти ребята. – Она указала на Николаса. Не хотела на него конкретно, так получилось.

– Я тебе так скажу. Лишь двое из тех монахов, что сейчас находятся в монастыре, когда-то пели в хоре. Одному из них уже бездна лет. Это звонарь местный. И пел он так давно, что никто этого не помнит. Может, придумали. А вот дирижера возьми...

– Красавчика Джакомо? – подмигнула матери Мари. Она знала, та тоже к красавцу неравнодушна.

– Его, – смущенно хмыкнула мать. – Так вот, он хоть и работает... или служит?.. при монастыре, но вне церковный человек. Он не постится, не причащается, не исповедуется... И вообще... Ведет себя крайне вольно.

Да, о вольностях Джакомо Мари уже приходилось слышать. Дирижер слыл донжуаном. Причем якобы его любвеобилие распространялось не только на женщин, но и на мужчин. Но поскольку он все еще оставался при монастыре, можно было предположить, что это всего лишь слухи. Развратника, пусть и очень талантливого, вряд ли держали бы здесь.

Мари хотела продолжить диалог, но тут раздался стук дирижерской палочки, это значило, что выступление начинается.

Через несколько секунд мальчики запели.

* * *

Николас подошел к Мари, когда она стояла у прилавка с сувенирами и рассматривала магнитики. Один она уже украла и примеривалась к другому. Марианна не была kleptomанкой, скорее хулиганкой. Воровала она только копеечные мелочи, собирая из них коллекцию. На сегодняшний день ее перлом считалась фигурка папы римского, которую Мари умудрилась стырить в Ватикане.

– Привет, – услышала она голос за своей спиной и сразу поняла, кто к ней подошел. Это был Николас!

– Здравствуй, – сказала она и обернулась.

– Могу я тебя кое о чем попросить?

– Попробуй...

– Верни магнитик на место или заплати за него. – Мари нахмурилась, а Ник мягко продолжил: – Я видел, как ты его сунула в карман.

Марианне стало стыдно. Она достала деньги и положила на тарелочку нужную сумму.

– Молодец, – похвалил Николас. – Воровство – грех. Одна из десяти заповедей гласит: «Не укради!»

– Подумаешь, какой-то магнитик, – фыркнула Мари, хотя ей было не по себе. Попасться на краже вообще неприятно, а уж выставить себя в дурном свете перед человеком, которому мечтаешь понравиться, просто катастрофа. – Он стоит копейки...

– Тем более не стоит брать грех на душу из-за какого-то магнитика, – улыбнулся Ник.

– Хорошо, возьму только ради бриллиантовой диадемы, – буркнула она.

Улыбка сползла с лица Николаса.

– Ты ведь не всерьез это говоришь? – обеспокоенно спросил он.

– Конечно, нет! Шучу! – И тут же перевела разговор на другую тему: – Вы здорово сегодня пели. Я в хор ходила в начальной школе, но у нас не получалось так...

– В храме еще акустика хорошая, но спасибо. Пойдем, я провожу тебя. У меня есть немного времени.

– Почему ты не пришел тогда? Я ждала тебя.

– Я же говорил, что не знаю, смогу ли. Один из монахов, мой духовный наставник, очень сильно болел. Господь мог прибрать его в любой момент. И это случилось как раз на следующий день после нашего знакомства.

– Прими мои соболезнования, – сконфуженно пробормотала Мари. А она-то какими эпитетами только его не награждала за то, что он ее «продинамил». – И что, теперь у вас в монастыре одно место освободилось? – И с замиранием сердца уточнила: – Для тебя?

– Мне нужно дождаться совершеннолетия, чтобы принять монашество.

Марианна едва сдержала свой фирменный визг радости. У нее есть время, чтобы повлиять на Николаса. Если он – ее кармический мужчина, никаких сомнений в этом у нее не возникнет.

кало, даже когда она, несчастная, возвращалась домой после несостоявшейся встречи, то она его женщина. Иначе и быть не может. И коль так, они должны быть вместе. И Бог, если он существует, этому только посодействует. Ведь он есть любовь? Так?

– А ты кем хочешь стать? – спросил Николас, заполнив этим вопросом паузу. Мари сначала визжала, потом размышляла, и молчание занянулось.

– Я еще не думала, – пожала плечами она. Кем НЕ хотела, знала: моделью, баскетболисткой и электриком. Но в отличие от большинства сверстников не мечтала о каких-то профессиях. Мама считала, что это плохо. Потому что цель должна быть. И определить ее следует уже в юном возрасте.

– Я ожидал от тебя услышать другое.

– И что же?

– Все высокие, красивые девушки грезят о модельной карьере.

Мари фыркнула:

– Да мне уже не раз предлагали выйти на подиум. Но я не хочу. Нет более тупого занятия, чем рядиться и красоваться перед толпами людей. Тем более выглядеть ты будешь не как хочется ТЕБЕ, а как тебя видят стилист, модельер, фотограф, редактор и прочее. Знаешь, если б у меня были способности, я бы, наверное, наукой занялась. Изобрела бы что-нибудь... не просто важное и нужное – глобальное!

– Например?

– Машину времени. Вечный двигатель. Андронный коллайдер. – И без перехода: – А у тебя семья набожная?

– Нет. – Ник почему-то рассмеялся.

– А что тебя развеселило?

– Просто надо знать моих отца и деда... Они албанцы. И мы жили в Тиране, это столица страны, при моем рождении народной республики. Ты слышала что-нибудь о Энвере Ходжи?

– Нет.

– Это партийный лидер Албании. Ныне покойный, он скончался в 1985 году, еще до моего рождения. Диктатор, типа вашего Сталина. Он правил республикой долгие годы и провозгласил ее первым атеистическим государством. В Советском Союзе, как я знаю из истории, церкви уничтожались и закрывались?..

– Да. Храм Христа Спасителя в Москве, например, взорвали. Сейчас строят по-новому.

– В Албании так же поступали с большинством храмов. Не важно, христианскими, мусульманскими или католическими. Но Ходжа пошел еще дальше. В главной мечети Тираны он повелел устроить общественный туалет. И если многие считали это не просто перебором, а явным оскорблением не только мусульман, но и всех верующих, то мой дед был в восторге от идеи Ходжи. Более того, если у него случались проблемы с желудком, он неизменно заходил в этот туалет, чтобы испражниться. Или, как сам говорил, помолиться с особым рвением... – На лице Николаса отразилось страдание. – Он был ярым богохульником и сделал таковым своего сына. Дед участвовал в сносе и осквернении храмов, а мой отец, будучи мальчишкой, помогал ему. Слышала бы ты, с каким смаком они рассказывали об этом на семейных застольях. Я хоть был мал и не особо набожен, что не удивительно, ведь я родился в семье коммунистов, но понимал, что это плохо... Грешно. Не простительно. И начал молиться в тайне ото всех. Просил Всевышнего простить моих родных. У меня мама из Венгрии, и ее ребенком крестили в католическом храме. У нее имелась иконка с Девой Марией – память о родителях, погибших в войну. Вот перед ней я и молился. И как-то раз меня за этим застала мама и ужасно перепугалась. Если б отец узнал, что я взываю к Богу, он бы меня избил до полусмерти. У отца был крутой нрав, и нам постоянно доставалось от него.

– И как же ты?.. При таких отце и деде?.. – Мари не стала формулировать вопрос до конца, Ник и так понял, что она хочет узнать.

– Они скорее убили бы меня, чем позволили стать не то что монахом, даже хоровым мальчиком при храме. Но мой дед умер в девяносто первом. Тогда Албания шла к демократии, а такие, как мой дед, всячески этому противились. В одной из стычек между коммунистами и их противниками он и погиб. Отец умер спустя два года. Но не за идею, как его родитель, а от удара в пьяной драке. Мы – я, мама и мои три сестры – остались без кормильца. Албания, несмотря на многолетнюю коммунистическую диктатуру, оставалась патриархальной – в семье главный мужчина, нам пришлось покинуть страну. Тогда многие уезжали. Мы подались в Венгрию, на мамину родину. Там я начал ходить в храм. А так как у меня с рождения прекрасный голос, то вскоре и петь. Меня заметили и пригласили в хор монастыря «Черный крест».

Пока он рассказывал ей свою историю, дорога закончилась. Вернее, она сделала изгиб. А к деревне следовало двигаться по тропе. Еще минут десять, не больше. Мари уже и дом свой видела. Как же быстро они дошли! Вроде бы только за ворота монастыря вышли...

– Покажи, где живешь, – попросил Ник.

Мари указала на дом с крышей, которую венчал замысловатый флюгер. Он был сделан в форме лестницы, по которой взбирается толстый кот. Отец влюбился сначала в него и только потом в дом. Вообще-то он хотел снять жилье поближе к морю, но когда проезжал мимо деревни, он увидел флюгер и захотел рассмотреть получше. А когда они подкатили к дому, то увидели на нем табличку «Сдается», и тут же принял решение снять его.

– О, я знаю хозяина! – воскликнул Ник. – Вернее, хозяйку. Очень странная женщина в годах. Художница. Она пыталась продавать у монастыря свои гравюры и акварели, но их никто не брал. На всех был изображен жирный кот. Такой же, как на флюгере. Но в этом году я старушку не видел. Переехала?

– Умерла. Ее наследница сдала этот дом нам.

– Мне пора, Мари.

– Уже? – разочарованно выдохнула она. Николас понуро кивнул. – Слушай, а давай телефонами обменяемся? Будем друг другу звонить.

– Нет, у нас это запрещено.

– Смс тоже?

– Телефоны. Как и компьютеры. Так что давай договоримся встретиться на том же месте послезавтра.

– Давай, – согласилась она, но мысленно его поправила: «На НАШЕМ месте». – Но я больше не буду для тебя блины жарить. Вдруг опять не придешь.

– Я точно приду. Но если не хочешь, не жарь. Все, Мари, пока! – И, помахав ей, заспешил прочь.

А Марианна побежала к деревне. Папа перед отъездом в Москву сказал, что наследница собирается дом продавать, и, если девочки захотят, он приобретет его...

Девочки, одна из них совершенно точно, очень этого хотела! Поэтому торопилась уговорить вторую.

Глава 6

Марко осел на диван, именно осел, как надувной матрас, из которого выпустили воздух. И именно матрас! Потому что человеком он себя точно не ощущал. Он сейчас – что-то неодушевленное, не чувствующее рук, ног, и не соображающее, что творится вокруг.

Марко сам не понимал, как смог продержаться последние два часа и не рухнуть от усталости. Он был на пределе сил после охоты и мечтал о контрастной душе, тарелке супа, стакане ледяного пива и диване. До того как найти труп, он представлял, как ввалится в свой дом, скинет сапоги, ружье, сумку, как пройдет в ванную, сполоснется, как на кухне погреет себе чашку чорбу¹, поест и ляжет с «Гиннесом» перед телевизором. Уснет сразу, как стакан опустеет. И Чак, наевшись, придет к нему и уляжется на полу, уронив свою башку на мощные лапы. Они проснутся на следующий день в ранний рассветный час и займутся дичью, что сейчас покоится в холодильнике. Марко будет ее разделывать, Чак есть требуху – он обожает ливер.

Но мечтам не удалось исполниться. Когда Марко притащился домой после осмотра места преступления, беседы с коллегами и аббатом монастыря, сил хватило только на то, чтобы сесть на диван. Он даже не разулся. И есть уже не хотелось – от усталости пропал аппетит. Пива Марко выпил бы, но идти за ним к холодильнику, это для него сейчас все равно что на Эверест взобраться.

Но спокойно посидеть Марко не дал Чак. Он притащил из прихожей сумку с дичью, положил ее перед хозяином и раскатило гавкнул. Это означало – займись трофеями, глупый человек. Убери их хотя бы в холодильник, протухнут же. И тогда не видать мне свежего ливера, а тебе жаркого из зайца, что водились на лесистых участках и были жирны, не баловать себя тетеревом на гриле.

– Отстань, – вяло отмахнулся от пса Марко.

Чак протестующе залаял.

– Дай посижу, отдышусь! Пять минут.

Пес бухнулся на бок, высунул язык и тяжело задышал. Намекал на то, что устал не меньше, но не забыл об обязанностях охотника. А они заключаются не только в том, чтобы выследить дичь, подстрелить ее, найти, принести домой, но и сохранить.

Марко застонал и рывком поднял свое большое, сильное, но в данный момент непослушное тело с дивана и зашагал в кухню. Чак потрусил за ним, держа в пасти котомку с дичью. По пути Марко стащил сапоги. Они были изготовлены из кожи буйвола и служили ему верой и правдой больше десятка лет. Они не промокали, не натирали, но изрядно воняли, поскольку кожу плохо выделали. Когда Марко долго в них ходил, а сегодня был именно такой день, то его ноги, несмотря на носки, пропитывались этим неприятным запахом, и их требовалось не просто мыть, а отмачивать в тазике с теплой водой и ароматной солью. Но Марко было пока не до этого, и он постарался абстрагироваться от вони. Сначала положить дичь в холодильник, потом можно выпить пива, целый стакан залпом, а уж потом отправиться в ванную.

Чак чихнул. Он отрицательно относился к неприятным запахам, особенно если они исходили от хозяина.

– Терпи, – бросил ему Марко.

Пес попал к нему будучи полуторогодовалым. Попал не из питомника. И не отдан был в его добрые руки кем-то из знакомых. Марко подобрал его, умирающего от ран, когда они с коллегами-полицейскими накрыли подпольный бойцовский клуб. Там бились на утеху толпе не люди – собаки. Молодой мастиф по кличке Чак Норрис проиграл свой первый бой, хотя был гораздо сильнее соперника. Но тот, помесь питбуля и обычной дворняги, был не просто

¹ Национальный густой суп в кухне Балканских стран.

агрессивен – беспощаден. Настоящая машина для убийства. Иван Драго. Хозяева бойцовского клуба давали своим псам клички киношных персонажей или актеров, снимавшихся в боевиках.

Напарник Марко хотел пристрелить израненного Чака, чтоб тот не мучился. Он наставил дуло пистолета на лобастую собачью голову, прицелился...

И тут Марко, стоящий поодаль, заглянул в глаза псу. В них столько всего было... И боль, и страдание, и обреченность... Но кроме этого, сочувствие и понимание. А еще жажда жизни. В самой глубине влажных глаз... огоньком посверкивала. Чак будто говорил, мне плохо, очень плохо... похоже, я в муках умираю... и если вы меня пристрелите, я пойму... но дайте, дайте шанс мне!

И Марк остановил напарника. Затем, завернув пса в одеяло, взял на руки. Тот взвыл от боли. Из огромных карих глаз хлынули слезы. Марко и хотел бы погладить пса, чтобы успокоить, но не мог. Тот весил семьдесят килограммов, и удержать его одной рукой не было никакой возможности. И Марко прошептал: «Потерпи, малыш». Чак как будто понял. Он уронил свою голову на плечо спасителя и потерял сознание.

Ветеринар, к которому Марко привез пса, осмотрев пациента, сказал – не жилец. Но за лечение взялся. Чак был на пороге смерти, но выжил. Чем удивил ветеринара. А вот Марко в нем нисколько не сомневался. Его пес – ЕГО ПЕС! – настоящий борец. Драчун плохой, это да. Зато поединки посерьезнее выигрывает.

... Чак гавкнул. Марко вопросительно на него глянул. Пес постучал лапой по своей миске. Проголодался.

– Суп будешь? – спросил Марко.

Пес повел ушами. Это означало согласие, но без восторга. Чаку, конечно же, хотелось почек зайца и печени тетеревов.

Марко поставил на медленный огонь кастрюлю с чорбой, а себе налил «Гиннеса». Он пил только его, хотя местное пиво, как все говорили, было не хуже.

Добрый глоток. Напиток проскальзывает в горло. Оставляет небольшую горчинку на языке и вкус солода. Но Марко не долго смаковал пиво. Секунды три. Затем за раз опорожнил стакан, вытер губы рукой и отправился в ванную.

Едва Марко успел намылиться, как раздался лай Чака. Значит, кто-то пришел, двери в деревни ни у кого почти не запирались, разве что на ночь.

Наскоро смыв пену, Марко выбрался из-под душа и выглянул за дверь.

– Кто? – крикнул он.

– Марко, это я, Стефан! – послышалось в ответ.

– Присядь, я сейчас.

– А твой пес меня не укусит? – забеспокоился визитер. Стефан единственный в округе боялся Чака.

– Нет. – И добавил себе под нос: – Проглотит целиком.

Через минуту Марко вышел из ванной в спортивных штанах и майке. Стефан, сидящий на табурете в прихожей, тут же вскочил и бросился к нему с воплем:

– Это правда?

– Ты о чем?

– Сам знаешь! – И замахал руками, точно птица крыльями. Стефан, когда волновался, всегда делал так. За что его деревенские прозвали «тетребом – тетеревом». – Говорят, одного из хоровых мальчиков убили. Это правда?

– Кто говорит?

– Все! – И вновь встряхнул «крыльями».

Стефан, мужчина чуть за тридцать, полный, пучеглазый, был деревенским дурачком. В возрасте пяти лет он сорвался со скалы. Местная ребятня лазала по горам с молодых ногтей – никто из родителей не считал это опасным, поскольку сами в детстве занимались тем же. Сте-

фан при падении сильно ударился головой. По мнению его матери, это и послужило причиной умственной отсталости. Хотя сверстники Тетерева утверждали, что он всегда был с приветом.

Из кухни выбежал Чак. Деликатный пес, зная, что пугает Стефана, оставил его одного в прихожей. И вот теперь явился туда, чтобы привлечь внимание хозяина. Марк тут же вспомнил о супе, который грелся на плите.

– Стефан, не хочешь покушать? – спросил Марко, направляясь в кухню и маня за собой гостя.

– Хочу.

Тетерев любил поесть. В котомке, с которой он не расставался, всегда было что-то съедобное. Он то грыз сухарики, то посасывал вяленое мясо, то лузгал семечки. В выходные и праздники он побирался у храма. И в отличие от остальных «нищих» радовался не только денежкам, но и конфетам, и яйцам пасхальным, и пирожкам.

– Марко, так правда это? – не отставал Стефан. – Что убили одного из хоровых мальчиков?

– Правда, – вынужден был признать тот.

– И кого?

– А что говорят «все»?

– Кто что! Понимаешь? Много версий. Поэтому я и пришел к тебе. Чтобы спросить.

– Погиб Даниель.

Тетерев так и рухнул на стул, возле которого стоял. Деревянные ножки закрипели. А Стефан издал звук, похожий на бульканье.

– Только не он, – прошептал он, прочистив горло.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею... – Стефан так резко встряхнул руками, что напугал Чака. Пес сидел возле стола, ожидая, когда хозяин наполнит его миску. – В виду... Что... – Марко выжидательно посмотрел на визитера. – Сам Господь говорил через этого парня. Убить его, все равно что покуситься на Бога.

– Он был так хорош?

– Бесподобен. В миру он уже был бы звездой. Джастин Бибер по сравнению с ним ничто.

– Кто такой Бибер?

– Ты не знаешь? – Марко покачал головой и принялся разливать суп по тарелкам. Первый, кто получил свою порцию, был Чак. – Американский певец, прославившийся в подростковом возрасте.

– Поражаюсь твоей осведомленности.

– Я люблю музыку.

– И поешь хорошо.

– Да... – Стефан часто, часто закивал. Он мечтал когда-то стать одним из хоровых мальчиков, но его не приняли. Для того чтобы поступить в школу монастыря, одного певческого таланта не доставало. Ребята сдавали вступительные экзамены, и проходной бал был довольно высок.

– Ты хорошо был знаком с Даниелем? – спросил Марко, поставив перед Стефаном тарелку и положив ложку.

Тот кивнул и стал жадно есть. Суп перегрелся, но Тетерев все равно хлебал его, как будто не обжигаясь. Чак смотрел на это с недоумением. Сам он ждал, когда чорба остынет.

– А хлеба нет? – спросил Стефан.

Марко поставил перед ним тарелку с отрубными булочками. Они были чуть подсохшими, но гостя это не смутило. Раскрошив пару булочек, он закинул их в суп, который и так был очень густым. Но Стефану, по всей видимости, так не казалось.

– Что ты можешь сказать о Даниеле?

– Да я уже...

– Не как о талантливом вокалисте, а как о человеке?

Стефан замер с ложкой у рта, задумался.

– Ну, не знаю... Парень как парень. – И снова принялся за суп.

– Как он ладил с другими мальчиками? Конфликтов не было ни с кем?

Тетерев мотнул головой.

– Стефан, оторвись, пожалуйста, от еды.

Марко взял его тарелку и отодвинул на край стола. Сам он к супу не притронулся, хотя есть ужасно хотел. Да и пива выпить. Но сейчас главное – получить информацию.

– Расскажи мне о Даниеле, – четко проговорил Марко. – Все, что знаешь.

Тетерев заговорил не сразу. Сначала он гипнотизировал тарелку с остатками хлебнo-мясной кашицы, затем сверлил взглядом потолок, после нервно почесывался, но в конечном итоге выдал:

– Мне Даниель нравился. Но его многие недолюбливали.

– Мальчики?

– Да.

– Завидовали, наверное. Ведь он был... – Марко пощелкал пальцами, припоминая имя: – Джастином Бибером церковного пения.

– Да. Многие считали, что он незаслуженно получил свой дар.

– Объясни.

– Таланты, они ведь Богом даны, так? У Даниеля талант был такой... Такой... – Стефан не мог найти слов, поэтому применил жесты. Изобразил что-то вроде извержения вулкана. – Но он, по мнению большинства, не достоин подобного!

– Почему?

– Даниель не был хорошим человеком.

– А чем он не угодил?

– Ни чистоты, ни доброты. Ничего такого... Ни с кем не конфликтовал, но смотрел на некоторых так... как на тараканов. С брезгливостью.

– На кого конкретно?

– Например, на Душана.

– Звонаря?

– Да. Говорил, что от него смердит тленом. А аббата вообще презирал.

Это Марко было удивительно слышать. Во главе монастыря стоял очень достойный человек. Его все уважали, хотя и побаивались. Аббат Иван (с ударением на первой гласной) был очень ревностным верующим. Поблажек никому не давал, в том числе себе. Молились при нем истово, постились жестко, от многих благ цивилизации отрекались беспрекословно, тогда как бывший аббат, скончавшийся полтора года назад, обитателей монастыря немного распустил. Бывало, пропускали мессы, баловались ликерами, пользовались Интернетом. Иван, встав у «руля», все это пресек. Чем заслужил недовольство некоторых, но уж никак не презрение.

– Даниель считал Ивана лжецом, – разъяснил Стефан.

– На каких основаниях?

– Он не говорил. Но вел себя так, будто знает какую-то постыдную тайну аббата.

– А как он относился к дирижеру Джакомо?

– Обожал его. Единственного из обитателей монастыря. Он, можно сказать, был его кумиром.

Марко подлил в тарелку Стефана еще супа и подвинул ее к гостю. Пусть наестся до отвала. Заслужил. Отвечал внятно и подкинул пищу для размышлений. Марко занес в воображаемый блокнот два имени – Иван и Джакомо. Обоих следовало с пристрастием допросить. Не побеседовать, как он сделал некоторое время назад, а именно допросить. С пристрастием!

И выяснить, что за тайны скрывает аббат и как дирижер заслужил обожание покойного. О Джакомо, как о профессионале, отзывались не всегда лестно, а вот как о герое-любовнике... да...

Стефан тем временем опустошил свою тарелку. Откинулся на стуле и задумчиво проговорил:

– Я знаю, кто мог убить Даниеля.

– И кто же? – Марко подобрался.

Тетерев назвал имя. Услышав его, Марко вздрогнул. Он не хотел бы, чтобы этот человек оказался убийцей, но... Такой вывод напрашивался сам собой.

Глава 7

Ночь выдалась маятной. Снилось что-то нехорошее, тревожное, но что конкретно, Мари не могла вспомнить. Едва пробудившись, она забывала сюжеты своих сновидений.

Не столько отдохнув, сколько измучившись, она встала с кровати и пошлепала в кухню. Поставив чайник на плиту, Марианна выглянула в окно. Деревенские вставали рано, впрочем, как и ложились, но сейчас на улице не было ни души. А она надеялась увидеть кого-нибудь из соседей, имеющих коз. Она покупала у них молоко, жирное, удивительно вкусное и совсем без запаха. Для Мари не было лучше завтрака, чем козье молоко с теплыми маковыми булочками, облитыми медом.

Но за неимением всего этого, пришлось ограничиться растворимым кофе и сыром.

Поев и приняв душ, Мари села за компьютер, чтобы проверить электронную почту. Но не успела открыть и первое письмо, как в дверь постучали. Она пошла открывать.

– Доброе утро, – поприветствовал ее ранний гость. – Надеюсь, не разбудил?

– Нет, я давно встала, здравствуйте. И тебе привет! – Она потрепала Чака по загривку. Пес завилял хвостом. – Заходите.

Мари посторонилась, впуская Марко с питомцем в дом. Сегодня местный шериф был одет иначе. Не в брезентовые штаны с накладными карманами и ветровку с капюшоном, а в рваные джинсы и белую футболку. На ногах не грубые сапоги, а мокасины. В этом образе он еще меньше походил на деревенского «участкового» (в России ведь именно так бы он назывался), скорее на виджея музыкального канала.

– Чай, кофе? – спросила Мари, проводив Марко в гостиную.

– Нет, спасибо, я только что позавтракал.

– А Чак колбаски не желает? Есть фирменная от дяди Самира.

Пес тут же разразился громким лаем.

– Чего это он? – удивилась Марианна.

– Отвечает согласием на поставленный вами вопрос, – рассмеялся Марко. – Он обожает изделия дядьки Самира.

Марианна поманила пса в кухню и дала ему остатки колбасы. Чак слопал ее за секунды и в качестве благодарности за угощение лизнул ей руку.

Когда Мари вернулась в гостиную, Марко стоял возле книжного шкафа и рассматривал его содержимое.

– Вы любите читать? – спросил он.

– Не я, мой папа. Это его книги.

– Так вы живете с ним?

– Он умер несколько лет назад, как и моя мама. Книги – память об отце. Посуда. – Она указала на второй шкаф, в котором громоздились фарфоровые тарелки и хрустальные вазочки, антикварные, но не особенно ценные. Каждый предмет имел брак, и его нельзя было выгодно продать. Такие вещицы оставались в доме. – Посуда о маме...

– Извините.

Она кивнула головой и опустилась на диван. Марко сел рядом. Чак улегся у их ног.

– Этот дом принадлежит вам или вы снимаете его? – поинтересовался Марко.

– Он мой. Отец приобрел его для нашей семьи примерно десять лет назад. Сначала мы его снимали, а потом выкупили...

Мари вспомнила, как она визжала от радости, когда папа сообщил ей о том, что теперь этот дом их. А еще прыгала и висла у него на шее. Тогда они посадили березу, как символ России, и елку, потому что решили отмечать Новый год на Балканах. Деревья прижились, и в ночь

с тридцать первого на первое Мари с родителями водила хороводы вокруг чахлого хвойного деревца, чем изумляли соседей.

– Марианна, расскажите мне, пожалуйста, еще раз о том, как вы обнаружили труп, – перешел к делу Марко. – Все в мельчайших подробностях...

– Да особо и рассказывать нечего, – пожала плечами она.

– И все же я прошу.

Мари повторила вчерашний рассказ. Это заняло меньше минуты.

– У вас, кажется, говорят: утро вечера мудренее?

– Да, это русская пословица, а откуда вы ее знаете?

– Я работал с вашим соотечественником. Его звали Борисом. Приехал к нам по обмену, да и остался, влюбился в местную девушку, женился. У него на все случаи жизни поговорки были. Просто удивительно, сколько их у вас...

– Много. А к чему вы ведете?

– Мы с вами разговаривали вечером. Прошла ночь. Сейчас утро. Возможно, к вам пришла какая-то мудрость? Вспомнили деталь какую-то? – Мари покачала головой. – Или решили рассказать мне что-то, о чем до этого умолчали?

– Мне скрывать нечего. – Мари была растеряна. Она не понимала, что стоит за этими туманными вопросами. Следующий тоже ничего не прояснил:

– Вы верующая?

– Нет.

– Атеистка, значит.

– Значит, да.

– Воинствующая?

– Я мирный человек. Можно сказать, пацифист. А против веры, да и за нее воевать не стала бы. А теперь объясните мне толком, к чему вы ведете?

– Я навел о вас справки...

– Ах вот в чем дело! – Мари нервно рассмеялась. – И вам рассказали, что я сатанистка, богохульница и вообще исчадие ада?

– Не сгущайте краски. Я всего лишь узнал, что когда-то вы грозились сжечь монастырь, а на одного из хоровых мальчиков напали, причем как раз в горах.

– Я была подростком. Трудным, хочу заметить. Конфликтным и категоричным. Сейчас я совершенно другой человек.

– В то же время другой певчий пропал без вести, – как будто не слыша ее, продолжил Марко. – К вашей матери приходили, чтобы попросить ее увезти вас отсюда.

– Она так и сделала. Что дальше?

– В этих краях была тишь и гладь. Но стоило вам вернуться, как...

– То есть вы думаете, я убила Даниеля? За что?

– А за что вы покалечили другого мальчишку?

– Мы повздорили, я его толкнула, и он упал, разбив голову и сломав руку. Вот и все!

– Что послужило причиной ссоры?

– Это не имеет никакого значения.

– А то, что вы монастырь поджечь хотели, тоже?

– Вы что, в пятнадцать не задумывали безумств? Не бунтовали? Не пытались что-то изменить?

– Изменить – да. Мир к лучшему. Поэтому в пятнадцать твердо решил стать полицейским.

– Не все такие святоши! – Марианна вскочила, потревожив Чака. – У вас все? Или вы мне обвинение предъявите?

– Расскажите мне все, – мягко попросил Марко. – Вы ведь явно что-то скрываете. И я не о настоящем, а о прошлом...

– А вы у Тетерева спросите! Ведь он вам про меня «инфу слил». Этот придурок меня терпеть не может с тех самых стародавних времен.

– Я застал вас на месте преступления. Вы склонялись над трупом. Поэтому не удивляйтесь, что вас подозревают. – Марко тоже поднялся. – А Стефан вас не оговаривал. Рассказал о том, что имело место быть, я проверил.

– Каким образом?

– Поднял архивы и опросил еще кое-кого.

– Больше десяти лет прошло, а местным больше и посудачить не о ком? – фыркнула Мари. – Знала бы я, дала бы больше пицци для сплетен.

И проследовала к двери, чтобы распахнуть ее, давая понять, что шерифу пора убираться.

Когда он ушел вместе с Чаком, Марианна накапала себе корвалола, выпила его и легла на диван в надежде уснуть...

Но вместо дремы к ней пришли воспоминания... Те самые, десятилетней давности.

Глава 8

Прошлое

Как же она соскучилась по Николасу!

Они не виделись почти пять месяцев, и разлука оказалась мучительной... Переносить ее было бы легче, имей Ник мобильный телефон, а лучше компьютер с доступом в Интернет. Они всегда бы оставались на связи. Но Николас, как и остальные хоровые мальчишки, не имел возможности даже обычные письма писать, когда вздумается, только раз в месяц и по экстренным случаям. Ребята находились на полном содержании церкви, поэтому им не позволялось иметь карманных денег, так что конверты купить было не на что. И на телеграф не сходить, чтобы позвонить. Некоторые мальчишки нарушали правила и припрятавали кое-какую мелочь, полученную от родственников. Но только не Николас!

Последний раз (крайний, тьфу-тьфу, всегда поправляла себя Мари) они виделись зимой. В январе. Когда семья Андроновых прибыла на Балканы встречать Новый год. Увы, на католическое Рождество не успели, а Мари так хотелось присутствовать при богослужении в храме, видеть Ника в парадном одеянии, слышать его голос, которые, как ей казалось, звучит красивее, чем у остальных. Да и мама мечтала об этом, но не сложилось...

Прилетели тридцатого. И Мари, не разбирая вещей, помчалась в монастырь. Ее летние каникулы закончились ссорой с Николасом. Она, восторженная, примчалась на встречу с ним, чтобы поделиться радостью – папа приобрел дом в деревне, и теперь они будут приезжать не только на лето, а когда вздумается.

– Разве это не чудесно? – пищала она и хлопала в ладоши.

– Чудесно, – соглашался Ник, но как-то сдержанно.

– Будем видеться чаще.

– Не уверен...

– В смысле?

– Мне весной исполнится шестнадцать. В хоре я допою до лета, потом каникулы. И я не знаю, вернусь ли сюда...

– А, ну да... – Марианна сникла. – Но где же ты будешь?

– Не знаю пока. Если меня оставят при монастыре, я буду счастлив, потому что в нем я хотел бы провести всю жизнь.

– В качестве монаха?

– Да. Но послушником я могу стать только в восемнадцать. У меня два года на то, чтобы...

– Изменить решение?

– Подготовить себя, – покачал головой Ник. – Я понимаю, это не так просто, как мне когда-то казалось... Отказаться от мирского.

– Так не отказывайся! Вам дают прекрасное образование, ты можешь поступить в колледж...

– Мари, опять ты за свое? Я просил тебя не касаться этого вопроса... – Да. Он просил. Раз двадцать. Но она не могла с собой ничего поделаться. Всегда возвращалась к больной для себя теме. И сейчас не смогла прикусить язык. В итоге – поругались. И Николас ушел, бросив ей «прощай».

Марианна улетела в Москву спустя несколько дней. Помириться с Ником не попыталась, решив – пусть этот святоша живет своей жизнью, а у нее своя дорога.

Всю осень и месяц зимы она гнала прочь мысли о нем. А чтобы было легче отвлечься, начала встречаться с парнем. Да не с абы каким, а со звездой школьной команды по волейболу Степаном. По нему все девочки сохли, а ему нравилась Мари. С пятого класса. И в девятом она наконец до него снизошла.

Вот только не приносили Мари радости эти отношения. Степан, хоть и был парнем хоть куда, ее мало волновал. Да, она находила его симпатичным, добрым и не таким глупым, как она думала раньше, она с удовольствием ходила с ним по школе за ручку, обнималась в кино, но когда он пытался ее поцеловать с языком, отворачивалась. Ее ровесницы давно занимались сексом со своими бойфрендами, а она Степана только чмокала, да иногда позволяла невзначай коснуться груди.

Родителям ее парень очень нравился. Папа даже пригласил Степана справлять вместе с ними Новый год на Балканах. К счастью, у Степана не имелось загранпаспорта. ТАМ он Марианне был не нужен!

ТАМ Николас...

Они встретились только тридцать первого под вечер. Сначала глазами – он стоял на помосте у алтаря, она сидела на лавке возле двери. Мари с мамой вновь пришли позже всех, и им достались худшие места. Но Ник увидел Марианну! И в глазах его вспыхнул огонек радости...

Или ей только показалось это? Их разделяло два десятка метров, а помещение храма освещалось только пламенем свечей...

После службы Ник подошел к Мари. И она поняла, не показалось. Он действительно так радовался ее появлению, что глаза сверкали. Времени на долгие разговоры не было, и они договорились встретиться завтра.

– На нашем месте? – уточнила Мари.

– Нет, давай у тропы.

– А почему не там?

– Когда я свободен, в это время года уже темно. Да и холодно. Зима!

– И что?

– Гулять по горам в темноте и холоде небезопасно.

И на следующий день они просто встретились, но ненадолго, а Мари так хотелось забраться с Ником в их пещерку, зажечь свечи или развести костерок и просидеть хотя бы часа два. Они взяли бы пледы, чтобы укутаться. И термос с кофе, в который Мари плеснула бы отцовского коньяка. А еще икры – они привезли несколько банок.

Мари предложила это Нику, но он велел ей забыть о своем дурацком замысле.

– Ты не представляешь, как коварны горы. Даже те, кто вырос тут, стараются после заката не подниматься выше монастыря.

Поэтому оставшиеся дни они обитали неподалеку. Либо бродили по дороге, либо сидели на раздвоенном дереве – между стволами было достаточно места для двоих. Там Ник впервые поцеловал Марианну. Они прощались – утром Андроновы отбывали. Мари и Ник что-то говорили друг другу. Жали руки. А потом Марианна потянулась к Николасу губами. Она хотела чмокнуть его в щеку. В этом же нет ничего такого? Многие целуются при встрече или прощании. Но сама не поняла, как коснулась его губ. Наверное, они просто очень тесно сидели, и Мари попала не туда, куда намеревалась...

Но боже... Как хорошо, что это случилось!

Поцелуй был коротким. Длился он секунды три. Но Мари хватило их, чтобы испытать гамму приятных эмоций. А еще понять, что больше ей не захочется целоваться со Степаном. С языком или без, не важно. Хотя его губы были полнее, а светлый пушок над губой не царапал ее, как щетина Степана. Все это не имело значения...

– Пиши мне! – выпалила она, спрыгнув с дерева. Марианна была смущена, а что испытывал Ник, она могла только гадать. – Адрес я тебе дала.

– Да, – сдавленно проговорил Ник. – Я напишу!

На этом и расстались...

На долгие пять месяцев без десяти дней.

За это время Марианна получила от Николаса пять писем. И зачитала их до дыр. А еще роман «Поющие в терновнике». Увидела книгу в маминей библиотеке. Та в отличие от отца читала всякую любовную муть, а Мари, испытывающая презрение к «розовым соплям», никогда не брала ее книги. Отцовские только иногда. Ей нравились детективы Рекса Стаута и новеллы Мопассана. Но тут ее привлекла обложка – прелестная молодая девушка стояла рука об руку со священником. Все в них, поза, взгляды, улыбки, говорило о взаимном чувстве. Мари заинтересовалась и прочла аннотацию. Когда стало ясно, что книга о запретной любви барышни по имени Мэгги и священника Ральфа, она схватила томик и за сутки прочла. Не спала и не ела, только чай пила с конфетками. Сказать, что проглотила роман, ничего не сказать. Она прожила жизнью Мэгги. А когда закрыла книгу и утерла слезы, подумала: «Мне повезло больше, чем ей. Николас еще не принял обета. И мы можем быть вместе!»

...И вот Мари снова на Балканах. Мама рада приезду не меньше дочери. В деревне поговаривали, что у нее роман с дирижером Джакомо. Но Марианна в тот момент была не в курсе этой сплетни. Она узнала об этом много позже. Папа с ними не полетел. Обещал присоединиться потом. У него появилась молодая любовница. И это так же вскрылось спустя какое-то время. В общем, каждый член семьи Андроновых жил своими страстями. И как-то все отдалились они друг от друга. Зато стали меньше ругаться. Мать Марианну стала меньше контролировать еще прошлым летом, видимо, уже тогда закрутила с дирижером, а Мари только этого и надо было.

Из последнего письма Николаса Мари знала, что он пробудет в монастыре до конца июня, а потом уедет на каникулы. Что дальше – не известно! Но у нее был план. Она решила соблазнить Ника. «Если он лишится невинности, – размышляла Мари, – то все изменится. Во-первых, Николас познает прелесть плотских утех. Во-вторых, почувствует себя ответственным за ту, которую лишил девственности, то есть меня... Ну а в-третьих, секс соединит нас по-настоящему. Мы станем единым целым сначала на несколько минут, а если все пойдет по моему плану, то навсегда...»

* * *

Ник очень повзрослел за те пять месяцев, что они не виделись. Стал настоящим мужчиной. Но ни сантиметра в росте не прибавил, тогда как Марианна еще вытянулась.

– Ты перекрасилась, – улыбнулся Ник, когда они встретились.

– А ты подстригся, – констатировала Мари не без сожаления. Ей нравились удлиненные волосы Николаса.

– Как называется цвет?

– Ядовитый плющ.

– Тебе идет.

Марианна расхохоталась. Ник был первым, кто так сказал. Вообще-то все пришли в ужас от того, что ее волосы, пусть и не целиком, а фрагментарно, приобрели оттенок сочной зелени. А ей нравилось! Нестандартно.

– Пойдем на наше место?

– Увы, сегодня я не могу никуда уйти. У нас репетиции. – И пояснил: – На следующей неделе летим в Ватикан. Будем петь перед самым папой.

– Ух ты! Круто!

– Ответственно.

Николаса окликнули. Он обернулся и махнул двум мальчишкам, что звали его. Типа, иду, иду. Обоих Марианна знала. Один был, как и Ник, хоровым, его звали Марк, второй деревенский дурачок Стефан. Он же Тетреб – Тетерев. Толстый парень с маленькой головой походил

на эту птицу, тетерева в изобилии водилась в горах, и беспрестанно вскидывал руки, точно пытался взлететь.

– Ты извини, мне идти надо, – выпалил Ник. – Жаль, что совсем времени нет на разговоры... Но когда мы вернемся из Ватикана, нам обещали целых два дня выходных.

– Сможем уйти в поход на сутки? – обрадовалась Мари. Она давно мечтала уйти с Ником в горы на длительное время.

– Конечно, нет. У нас все же режим...

– Казарменный. Только в армии увольнительные дают чаще.

Мальчики вновь прокричали его имя. И Ник, бросив «Пока», убежал. Раздосадованная Марианна пошла к дереву желаний. Тому самому, на котором они поцеловались пять месяцев назад. Вытащила из кармана салфетку. Самую обычную, бумажную. Взяла с собой, чтобы поправить макияж, если он потечет. С недавних пор она начала рисовать стрелки. Но так как глаза от ветра или яркого солнца увлажнялись, подводка ехала. И теперь Марианна таскала в карманах не только зеркало, но и салфетку.

– Какое желание ты загадываешь? – услышала она за спиной, когда принялась обматывать бумажку вокруг ветки.

– Не твое дело, – буркнула Марианна.

– Что? Я не понял?

– Конечно не понял, ведь я говорю по-русски. – После этого она развернулась к Тетереву, это был именно он, и перешла на его родной язык, который за год без труда выучила. – Чего тебе надо, Стефан?

– Ничего.

– Тогда вали отсюда.

– Ты злая. Нехорошая... – Мари криво усмехнулась, глядя Стефану прямо в глаза. Ей было плевать на его мнение. Но Тетерев не унимался: – Ты недостойна дружбы с таким человеком, как Николас! Он чистый, добрый... Ты замараешь его... Испортишь!

Это уже ее задело. И Марианна ткнула Стефана в грудь. Не с целью причинить боль, а убрать с дороги – он загораживал ее. Однако Тетерев был толст, поэтому его не так легко было сдвинуть.

– Ты знаешь, что у него из-за тебя могут быть проблемы?

– Какие?

– Парню, который хочет стать монахом, незачем водить дружбу с такой, как ты.

– Это лишь твое мнение.

– А вот и нет... С Николасом уже беседовал настоятель. Спрашивал, что между вами. И не повлияло ли знакомство с тобой на его решение...

– И что он ответил?

– Что на его решение ничто не может повлиять. Но настоятель все равно насторожен. А именно от него зависит, останется ли Николас здесь, когда закончится учебный год. Да и остальное... Нести Божью службу в «Черном кресте» великая честь, ее мало кто удостоивается...

«Значит, я все делаю правильно, – подумала Марианна. – Если Нику откажут в этом монастыре, он может вообще передумать становиться монахом. Ведь он мечтал о жизни в «Черном кресте». Говорил, что побывал во многих монастырях и храмах, но только тут физически ощущает Божье присутствие».

– Как так? – спросила его Мари, услышав это.

– Когда вот так... – Ник легонько коснулся ладонью ее головы, провел ею туда-сюда. – Когда иначе... – Он переместил руку ей на плечо и легонько его сжал.

– Ты сейчас приласкал меня, погладив, и... поддержал?

– Да! Господь любит нас и поддерживает... Но мы иной раз забываем об этом.

– Даже ты?

– Даже я. Но здесь, в «Черном кресте», со мной такого не бывает. Я так хотел бы провести здесь всю свою жизнь...

От этих воспоминаний Мари отвлек голос Стефана:

– Даже не мечтай о том, что Николас ради тебя откажется от своего предназначения, – по-змеиному прошипел он. Дурак дураком вроде, а людей чувствует. Понял, о чем Мари думала.

– Иди в задницу, Тетерев!

И, врезав кулаком в его жирный живот, убежала.

* * *

Что это был за день!

Сказочный просто...

Николас смог освободиться на целых шесть часов. Это же одна четвертая часть суток. Они гуляли, загорали на «пупке», потом сидели в ИХ гроте и ели какую-то совершенно необыкновенную монастырскую кашу. Казалось бы, что может быть оригинального в пшенке с овощами? Но то ли какая-то там печь особенная, то ли повар гений, но Марианна уплетала кашу с таким аппетитом, что не успела оглянуться, как ее горшочек опустел. Потом еле отдышалась.

– Как ваше выступление перед папой? – спросила она, разомлевшая после сытного обеда, но не желающая дремать. Зачем красть у себя самой время? Без Николаса можно только тем и заниматься, что спать.

– Всем понравилось, в том числе понтифику. А я недоволен.

– Почему?

– Переволновался и спел не очень чисто.

– Не может такого быть. Ты всегда поешь идеально.

– Ах, если бы...

Марианна достала из рюкзака термос с кофе. Решила взбодриться. Коньяка в этот раз она не добавила, зато немного корицы и ванили бросила. И кофе так умопомрачительно пах, что Ник тоже захотел попробовать, хотя был равнодушен к этому напитку. Больше любил морсы да компоты. И обязательно кисленькие.

– У меня презент для тебя, – сказал Ник. – Из Ватикана.

И достал из котомки коробочку. Скромную, из обычного картона.

Мари открыла подарок. В коробке, завернутая в кусок белой ткани, лежала брошка. Маленькая голубка. Глазки бусинки. А сама покрыта белой эмалью и... позолотой?

– Какая прелесть! – восхитилась Мари.

– Рад, что угодил.

– Не дешевая вещь. Где ты взял деньги?

– Эту брошь мне подарил ювелир, который ее и изготовил. У него магазин на площади Святого Петра. Он был на нашем выступлении, и ему очень понравилось. Когда мы с Бартом, гуляя, остановились возле витрины, чтобы поглазеть на украшения, он узнал нас. Пригласил к себе и вручил по презенту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.